

Олег Рой

Заколдованный дуб

Книга первая

Олег Юрьевич Рой
Приключения на «Зеленой дубраве»
Серия «Заколдованный дуб», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7155896
Заколдованный дуб. Трилогия. / Рой О. Ю.: Авторское; 2014*

Аннотация

На перекрестке двух миров растет дуб. Конечно, не простой, а волшебный. И вот в один недобрый день злобная ведьма решила отравить дуб и захватить прекрасную страну Кронию. Для этого ей нужно принести в жертву семерых ребят, как раз приехавших на базу отдыха... Все семеро – победители конкурса страшилок, но кто же хочет угодить в страшилку сам?..

Новое оформление, теперь с иллюстрациями.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	34
Глава пятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Рой

Приключения на «Зеленой дубраве»

Глава первая

в которой рассказывается об огромном дубе, соединяющем наш и сказочный миры, о волшебной стране Крониш, о злой колдунье Цестинде, о битве между светом и тьмой и о том, как Цестинда поселилась в нашем мире

В одном темном-темном доме с большим и страшным темным-темным подвалом, в котором ползали гадкие черные-черные крысы, жила старая-старая бабка, и душа у нее была темная-претемная. И вот однажды...

Хотя, нет, я не стану с этого начинать. А то, пожалуй, вам потом будет не так интересно. Лучше расскажу другое.

Полтысячи лет назад, а может, и больше, в дремучем-дремучем лесу жил огромный дракон. И воровал он самых прекрасных девушек со всей округи. А может, и еще дальше залетал, не знаю. Разумеется, воровал, чтобы их потом съесть, такой уж у всех драконов скверный характер. Некрасивых девушек он не трогал, не по вкусу они ему были, наверное, выбирал только самых что ни на есть красавиц. И сам дракон не подозревал даже, какое волнение он сеял в душе каждой девицы. Ведь это честь: к дракону на обед попасть! И хочется, как говорится, и колется. Смерть, конечно, ужасная, зато славная – оказаться в числе самых-самых красивых. Вознестись к небу на страшной чешуйчатой спине, сидя между крыльями, посмотреть на всех свысока, ну а потом... Потом уже неважно, все равно, кроме драконьих, никто этого не увидит. И вот пришел час, когда во всех окрестных деревнях осталась только одна-единственная красотка. Эта девушка затмевала всех своей лучезарной красотой, потому и звали ее так – Первая Красавица. И была она настолько хороша, что даже дракон не спешил ее съесть, все любовался ею, на десерт оставлял. Однако не дошло у чудища дело до десерта, в один прекрасный день оно вдруг скорострельно испустило дух. Весьма, кстати, смрадный – то, что дракон издох, народ тогда издали почувствовал. Причиной внезапной драконовой кончины, кстати, тоже стала девица. И тоже, разумеется, красавица, только с весьма скверным характером. настолько скверным, что даже дракон сдох сразу после того, как ее сожрал. Может, отравился ею, может, подавился, кто ж его знает... Главное, результат налицо: был дракон – и нет дракона.

Местные жители, понятное дело, облегченно вздохнули и дружно обрадовались... Все, кроме Первой Красавицы. Как-то так случилось, что после смерти дракона от нее все отвернулись. Еще вчера всей деревней ее оплакивали и готовились с ней проститься, а сегодня, когда она осталась жива-здорова, народ на девушку озлился. Ведь их дочерям, сестрам и невестам не повезло так, как Первой Красавице. Вот и стали люди ее изводить. Проходу ей не давали, все попрекали тем, что жива осталась и смерти лютой избежала. Забыли даже о том, что совсем недавно считали ее Первой Красавицей. А что такого-то? Эка невидаль – красная девица! Да у нас таких полным-полно было... пока дракон всех не сожрал. Так что жизнь в родной деревне превратилась для девушки в сплошной кошмар, озлобилась она на весь людской род, ушла в дремучий-дремучий лес, поселилась в жилище дракона, а потом...

Гм, опять что-то не так. Начну-ка я, пожалуй, совсем иначе.

Давным-давно, еще в те далекие времена, когда ваши прапрапрапра– (и еще много-много «пра») прадеды и прабабки с дубинами охотились на мамонтов, на широкой равнине вырос Огромный Черный Дуб. Да не простой, а особенный. Он словно родился мертвым, не то что желудей, даже ни одного зеленого листочка на нем не росло, одни корявые ветки в разные стороны торчат. Людям и разным лесным обитателям он был совсем ни к чему, так как проку от него никакого. Ни птице, ни белке на мертвом дубу не поселиться, а человеку в тени не отдохнуть. Листьев нет – какая тень? Попытались было люди срубить дерево, да быстро отступились. Дуб хоть на вид и сухой, но крепкий, точно камень. И это еще пол-

беды. Только ударишь по нему топором, как тут же, прямо у тебя на глазах, зарубка исчезает: щепки на место встают, кора затягивается, словно и не было удара. Смекнули тогда люди, что с этим дубом что-то нечисто. Дерево-то только кажется мертвым и сухим, а на самом-то деле поживее многих живых будет. Его ветки шевелились не хуже, чем ваши собственные руки, ствол склонялся в любую сторону, в какую только дубу заблагорассудится, а корни извивались, как гигантские змеи. Посмотрели люди на все на это и решили держаться от этого дерева подальше – мало ли что...

Так и стоял дуб, словно царь, одинок и страшен, раскинув в разные стороны огромные кривые ветви. Со временем вокруг вырос дремучий лес. Стоит этот дуб и по сей день. Да и куда ему деваться, ведь он, по секрету вам скажу, соединяет два мира. На нашей земле он сухой почерневший великан, вшестером не обхватишь. И никому невдомек, что из корней его еще один дуб растет, как бы это сказать... Вроде как с другой стороны земли. Вы картинку на игровой карте видели? Вот так и растет. Поверни картинку нашим дубом кверху – мы головой вверх стоим, а тот мир ногами по потолку ходит. Поверни в другую сторону – другой народец по лужайкам бегают, а мы на головах стоим. Вот ведь чудно – лезешь вверх, а оказываешься внизу. И так бывает!

Так вот, в нижней, сказочной стране, выглядит огромный дуб совсем по-другому. Крона у него пышная и зеленая, все листики идеальной формы, один к одному, желуди на дубу крупные, ровные, блестящие – просто загляденье. Впрочем, в той стране все деревья такие, а их там видимо-невидимо. Потому и называется эта страна соответственно – Крония. И

выглядит она именно так, как подобает сказочной стране. Есть в ней и высокие горы, и мрачные пещеры, и таинственные леса, и веселые ручьи, и зеленые луга, пестреющие дивными цветами. Над цветами порхают бабочки самых причудливых расцветок, и лица у этих бабочек человеческие – милые девчачьи, улыбающиеся и часто даже смеющиеся.

Населяют Кронию удивительные создания – все те, кого вы знаете по фэнтези. Гномы и эльфы, гремлины и русалки, тролли и орки, гоблины и великаны, маги и ведьмы, колдуны и волшебники – всех и не перечесать. Сказочный народ, в общем.

Живет Крония по свету солнца и луны. Как солнце всходит, ночные – лунные – жители разбредаются по домам и укладываются спать. А дневные – солнечные – сладко потягиваясь, вылезают из кроватей и принимаются за дела, которых хватает на всех. Нужно собрать урожай с полей и огородов, наполнить лукошки грибами и ягодами, закоптить рыбу, пойманную за ночь лунными соседями, и не забыть вечером оставить для гномов на крыльце свежие молоко, сметану и домашний сыр в благодарность за большую тачку угля и серебряную брошь.

Сейчас страна живет мирно. Ссор между соседями нет и в помине, и уже давно. Но так было не всегда.

Начнем с того, что управляют Кронией два очень древних рода. Солнечные правители – по древнему обычаю ими бывают только мужчины – это почтеннейшие гремлины. Глава рода, мудрейший Эрген, настолько стар, что сам не помнит, как давно он живет на свете.

У лунных жителей все наоборот. Древний и почитаемый род ведьм выбирает в правители исключительно женщин. С них-то все и началось.

Однажды, много лет назад, лунная правительница Цестинда положила в свое омолаживающее питье слишком много белены. Уж не знаю, что ей там после этого питья померещилось, но она вдруг решила стать правительницей всего волшебного мира. И даже сумела как-то заразить своими идеями часть подданных Кронии, причем не только на лунной стороне. Однако не все жители волшебной страны согласились с таким нарушением древних законов. Они подняли тревогу и собрали срочный Совет-На-Заре. По традиции на таких советах

представители всех семейств Кронии решали самые важные дела. И в тот раз большинство пришло к единодушному мнению, что Цестинда со своими идеями не только вредна для них всех, но и опасна. И потому для скорейшего наведения порядка нужно срочно ее изолировать. Маги предложили заточить бунтарку в волшебный ларец, а гномы вызывались его сделать. И не просто вызвались, а исполнили обещание: отправились в свои подземные кузницы и выковали большой красивый серебряный ларец, крышку которого украшала фигурка орла с распростертыми крыльями.

Понятно, что Цестинде такое решение Совета по вкусу не пришлось. И она вместе со своими сторонниками решила дать бой всем, кто посмеет ей воспротивиться. Колдунья собрала свое войско, призвала огнедышащих драконов и посадила на них могучих троллей, безжалостных орков и свирепых гоблинов. Однако этого было мало. Ну что за армия без вооружения? И потому Цестинда приказала гномам, которые тоже были лунными жителями, изготовить для ее воинов лучшую броню и оружие. Да только просчиталась. Гномам совсем не понравилось, что ими командуют. Гномы, конечно, по характеру очень разные, далеко не все они добродушные существа. Но подчиняться приказам никто среди них не любит. Да и война им совсем не по душе. Им нравится добывать драгоценные камни, делать украшения для девушек и ковать в своих кузницах всякие мирные вещи: косы, плуги, молотки, гвозди. А тут – бросай все и куй мечи, которые к тому же будут использованы против твоих же собратьев!

Поэтому гномы предупредили солнечных жителей о планах Цестинды, наковали брони и оружия и для них, а не только для жителей тьмы, и после сами выступили на светлой стороне, вооружившись тяжелыми двусторонними секирами. Солнечное войско собралось немалое. Каждый вооружился, чем мог. Великаны – палицами и дубинками, русалки и феи – хитростью, добрые волшебники и чародеи – магией. Эльфы достали старинные книги,

вспомнили рецепты и выковали целую гору боевых наконечников для своих стрел. Ведь каждый знает, что эльфийская стрела пробивает любую броню, даже сделанную самым искусным гномом. Гномы, правда, с этим не согласны, но попробовать встать в своей броне против эльфа с его луком пока еще никто не решился. Разве найдется кто-то, управляющийся с этим оружием лучше эльфа? Вот и я таких не знаю.

В общем, солнечная сторона к схватке оказалась готова.

Накануне боя собрался еще один Совет-На-Заре, на котором старейшины волшебного мира предложили Цестинде сдаться, но та отказалась.

И сошлись войска в страшной сече... Не буду утомлять вас долгим описанием битвы – все равно все они похожи друг на друга, как два желудя с волшебного дуба Кронии. Скажу только, что солнечная сторона победила. Правда, победа далась дорогой ценой. Несколько десятков храбрейших воинов из лучших семей волшебной страны не поднялись на ноги с восходом солнца. Одни попали под огненную струю дракона, другие не успели отразить удар огромного каменного молота тролля или смертоносного меча орка, третьи пали, сраженные черной магией злых колдунов.

Впрочем, лунным воинам досталось еще крепче. Многим оркам не поздоровилось от встречи с солнечными мечами, немало числу троллей перепало от секир гномов и дубинок великанов, и не один дракон потом долго отлеживался с перевязанными крыльями, ранеными эльфийскими стрелами.

Когда до восхода солнца оставалось совсем немного, силы лунного войска стали таять, воины попятились. Увидев это, старейшина гномов и предводительница солнечных колдуний взобрались на крылатых лошадей, взяли волшебный ларец и понеслись к тому месту, где сражалась Цестинда. Пробивать дорогу к отступнице помогало все солнечное войско. Злая ведьма, понимая, что еще чуть-чуть, – и томиться ее духу в ларце, бросилась наутек.

Она вскочила на самого быстрого из драконов и понеслась к Огромному Дубу. Белые крылатые лошади догоняли ее, но все же Цестинда успела первой. Рухнув со спины дракона под могучие корни огромного дерева, она выпустила наружу свой ведьмин дух. Быстрее мысли он скользнул по стволу Огромного Дуба вниз и исчез.

Увидев, что их предводительница сбежала, лунное войско сдалось на милость победителей. Те и впрямь оказались милосердны, не стали наказывать бунтовщиков, поверили в искренность их раскаяния и простили.

Потом за дело взялись светлые маги, которые стали лечить раненых и оживлять павших. Им удалось спасти всех, кроме семи юных эльфов, павших жертвами какого-то особенного коварного колдовства Цестинды. Разгадать тайну этих чар не сумели даже самые сильные волшебники. Тогда по решению Совета-На-Заре души семерых эльфов превратили в птиц с длинными острыми железными клювами, посадили на Огромный Дуб и заколдовали юных стражников так, чтобы они охраняли волшебное дерево, а заодно проход между мирами. Отныне стражи пропускали в Кронию только добрые детские души, и то в самом крайнем случае. Потому что искренне в сказку верят только дети, а остальным в ней делать совершенно нечего.

И зажила Крония тихо и спокойно, как привыкла. Лунные обитатели быстро выбрали себе новую правительницу, и с тех пор в волшебной стране на долгие годы установились мир и покой. О страшной битве старались не вспоминать, но и забыть ее не могли. Такое не забывается...

* * *

Вы спросите: а как же Цестинда, что произошло с ней? Слушайте и всё узнаете.

Дух злой Цестинды прошел тонкую грань между мирами и, оказавшись в нашем мире, сперва заметался. Потому как колдунье, пусть и самой сильной, в виде духа бестелесного существовать непросто. Ни поесть тебе, ни попить, ни каким другим делом заняться... Но тут Цестинде повезло. Вы, конечно же, помните, что в нашем мире рядом с дубом поселилась некая девица, Первая Красавица, которой не успел пообедать дракон, отравившийся ее подругой? Так вот, угораздило же эту девицу широко зевнуть именно в тот момент, как мимо пролетал дух злобной ведьмы! Разумеется, дух Цестинды тотчас влетел в открытый рот и завладел телом несчастной красавицы. И с этого момента девушка превратилась в страшную ведьму и стала Цестиндой. Настоящее имя золотоволосой девицы с тех пор никто не упоминал. Так оно и забылось.

Внешне ведьма была очень даже красива – ни скрипучего голоса, ни лохматых седых косм, ни носа крючком, ни ступы с помелом. Молодая, высокая, статная, с легкой походкой, изумрудными глазами и роскошными пышными волосами, спускающимися густым потоком до самой земли. Вот только, когда красавица ступала, ее коса, извиваясь, замечала следы своей хозяйки, и то, чего касался волос колдуньи, погибало – цветы вяли, травы сохли, а земля трескалась.

В мире людей Цестинде совсем не понравилось. И холодно, и неудобно, и все самой делать приходится – не то что в волшебной стране, где за нее любую работу исполняли многочисленные слуги. Там-то она была владчицей лунной стороны и чуть-чуть не стала повелительницей всей Кронии... Разумеется, ведьма не собиралась мириться со своим поражением, но понимала, что путь в свой мир ей отныне заказан. Нужно было придумать новый план, сообразить, как подчинить себе страну, в которую даже не можешь попасть. А это, как вы сами понимаете, непростая задача.

Так и жила Цестинда из века в век, изобретая новые пути завоевания Кронии, а попутно сея страх и злобу в округе, пугая ненавистных людишек и наводя порчу на детей и скот.

После того, как колдунья исходила взад-вперед ближайшие окрестности своей избушки, метя косою направо и налево, ее жилище стало выглядеть жутковато: маленький корявый домик с провисшей крышей и уродливым черепом барана над дверью, страшный полуразвалившийся плетень, а вокруг – сплошь сухие мертвые стволы. И все это в чаще глухого леса, где, конечно же, ни одной живой души.

Разумеется, Цестинде было одиноко, скучно и тоскливо. Но перебраться в другое место, повеселее, колдунья не хотела, не решалась отойти далеко от дуба, бывшего для нее хоть и наглухо закрытыми, но все же воротами в родную страну.

Так прошло сотен пять лет. И вдруг, в одну особенно ненастную осеннюю ночь, когда бушевала свирепая буря, и дождь лил сплошной стеной, Цестинду вдруг озарило. Ну конечно же! У нее есть отличный способ установить свою власть над Кронией! Все, что ей нужно, – это волшебный дуб. Ведь именно он питает своей чудесной силой всю сказочную страну! Просто ни жители Кронии, ни, похоже, даже сам дуб не догадываются, насколько велика его роль... И если ей удастся сговориться с этой сухой половиной дуба, которая растет в мире людей... если получится подчинить его себе и уговорить выступить с ней заодно,

тогда можно будет влиять и на ту, цветущую, половину дерева, которая растет в Кронии. И таким способом, используя силу волшебного дуба в своих целях, добиться всего, к чему колдунья стремится. С помощью дуба она посеет смуту среди жителей Кронии, склонит, кого можно, на свою сторону и начнет новую войну, из которой уже обязательно выйдет победительницей. Так что теперь задача стала ясной, хоть и не очень простой – склонить сухой дуб на свою сторону и сделать его своим союзником.

Цестинда уже настолько извелась от одиночества, что стала разговаривать сама с собой в минуты, когда не занималась колдовскими делами. Она знала, что огромный дуб ее слышит и понимает, знала, что и говорить с ней он может. Вот только не говорит. Почему же молчит эта вредная старая коряга?!

И так и этак пробовала ведьма улестить волшебный дуб, а тот ни в какую. Молчит, как полено! Уж она ему и страшные жертвы приносила, и корни свежей кровью младенцев поливала, и молилась ему, и просила, и умоляла – все без толку. Тогда решила колдунья дуб напугать. Принесла из похода к людскому жилищу очередную жертву – связанную красивую девушку, положила ее рядом с корнями и стала собирать большую кучу хвороста. Куча росла и росла, потихоньку приближаясь к могучему стволу. Дуб, почуяв неладное, закрипел и закачал ветками. Ведьма бросила свою жертву на кучу хвороста, достала огниво и присела рядом с кучей.

– Ну вот что, дружок, – сказала ведьма, обращаясь к дубу. От былой подобострастности в голосе не осталось и следа. – Пятьсот лет я прошу у тебя всего лишь разрешения поговорить с тобой, но не получаю даже этой малости. И зачем ты мне тогда нужен? Если мне суждено остаться в этом мире навеки, я лучше поселюсь в более людном месте. А ты.... Да гори ты синим пламенем! Это моя последняя жертва!

Ведьма ударила кремнем по кресалу, яркая искра зажгла трут. Затем с силой подула, и кусок бересты вспыхнул. Цестинда размахнулась, чтобы бросить горящую бересту на хвост, но тут раздался оглушительный скрип, и ведьма получила удар в спину. Через мгновение она оказалась на земле, прижатая мощным корнем. Корень давил ей на грудь, вжимая в землю так сильно, что Цестинда стала задыхаться.

– Ну что ж, подружка, хотела поговорить, так давай поговорим! – голос огромного дуба прозвучал громко, но как будто из-под земли. – Только слабовата ты со мной тягаться. Даже когда лунной стороной правила, не ровней мне была, а уж сейчас и подавно. Так что давай-ка повежливее!

Могучий корень плавно приподнялся, и ведьма, с трудом дыша, встала на ноги.

– Что же ты столько лет молчал, сухостой тухлявый? – возмутилась она и отодвинулась от шевелящихся корней, которые тем временем раскидывали кучу хвороста.

– Повежливее, говорю! Или мало досталось? Повторить? – корни вздыбили землю перед ведьмой.

Ведьма отвернулась от ствола, оттолкнула кучу хвороста еще дальше, подобрала девицу, пытавшуюся под шумок развязаться или хотя бы уползти, и легко закинула ее на верх кучи. Щелкнула пальцами, и хворост мгновенно вспыхнул. Жарко полыхнув, пламя на несколько мгновений осветило поляну, а потом сразу пропало. Там, где горел огонь, не осталось и следа от костра и последней жертвы.

Ведьма повернулась к дубу.

– Вот так-то... И огниво мне не нужно, и ветер я призывать еще не научилась, – сказала она. – Так что давай не будем силами меряться. Лучше скажи, что это ты молчал до сих пор?

Откуда-то из огромного ствола раздались звуки, которые при большом воображении можно было принять за смех.

– Очень интересно за тобой наблюдать, «правительница Цестинда»! Уж больно хороша ты была, когда в очередной раз распластывалась у моих корней! – дуб еще раз гулко хохотнул. – И, правду говоря, мне давно уже никто не поклонялся и на меня не молился... А это весьма приятно, я тебе скажу! Так что можешь продолжать! А то в Кронии ко мне уже давно относятся как к детали пейзажа, без должного уважения...

Дуб словно бы напрягся, его ветви резко поднялись к небу и с оглушительным грохотом замолотили по земле. Огромные, гораздо шире туловища взрослого человека, корни вырвались из земли и начали крушить все вокруг. Поднялся ветер, да такой сильный, что Цестинду сбило с ног, и она покатила по земле. Докатившись до остатков какого-то куста, ведьма вцепилась в них мертвой хваткой. Ей вдруг стало по-настоящему страшно. Только теперь она поняла, какую мощь пыталась раздражить...

Когда Дуб успокоился и затих, Цестинда подошла к стволу и ласково его погладила.

– Ты догадываешься, о Великий Огромный Дуб, как будут поклоняться тебе ВСЕ жители Кронии, когда я вернусь туда и займу подходящее мне место? Пока эти дурачки, сказочные жители, не понимают твоей важности и не ценят твоего величия... Но если мне удастся установить в Кронии свои порядки, все изменится, уверяю тебя! Ты ежеминутно станешь получать все почести, которых достоин! Только сначала помоги мне...

Ни одна ветка не шевельнулась на дереве. Дуб ничего не ответил колдунье, не согласился с ней, но и не возразил. И ведьма решила, что это не самый плохой знак. Нужно просто немного подождать...

Некоторое время Цестинда не подходила к дубу. Надолго исчезала по своим ведьмовским делам, бродила по окрестностям, собирала травы, камни, кости, животных и прочие нужные в колдовстве вещи. Возвращаясь, плотно закрывала дверь домика и не показывалась из него по несколько дней. И вот однажды...

Однажды ночью, когда Цестинда возвращалась из очередной недельной отлучки, около самого порога перед ней вдруг выросла стена. Забор из туго переплетенных корней и корешков вел прямо к Дубу. Ведьма ухмыльнулась и повернула в ту сторону.

– Зачем позвал? – поинтересовалась она, подойдя к дереву.

– Слушай и запоминай, второй раз повторять не буду, – обычно громкий раскатистый голос на этот раз звучал чуть слышно. Толстая ветка, скрипнув, прижала голову волшебницы к самому стволу. Слышно стало чуть лучше, но все равно Цестинде приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы разобрать слова дуба.

– Чтобы обрести власть над моей второй половиной, тебе надо принести в жертву рядом со мной семь испуганных детских душ. Тогда все птицы-стражи полетят провожать эти души в Кронию, и цветущий дуб на несколько мгновений останется без охраны. Сумеешь за это время околдовать своей магией меня и вместе со мной его, получишь то, к чему стремишься. А не справишься – пеняй на себя. Я тебе ничем помогать не буду!

– Уж я постараюсь! – ведьма захохотала так, что сухая земля вихрем взлетела в воздух. Поднявшийся ураган выдирает с корнем чахлые деревца, вздымал в воздух целые поваленные стволы. – Ай, спасибо тебе за подсказку! Вот уж удружил так удружил!

Добыть сразу семь детских душ – не шутка. В окрестных деревнях о существовании ведьмы уже догадались, побаивались ее и детей оберегали. Так что Цестинде оставалось только одно – затаиться и ждать, пока люди о ней забудут.

Так она и поступила. Перестала наводить порчу на людей и скот, похищать младенцев и делать прочие пакости. Люди подумали, что ведьмы больше нет, и вздохнули с облегчением. Они забыли о ее существовании и зажили счастливо, деревни их росли и богатели, с каждым годом людей в округе становилось все больше и больше. И наконец Цестинда решила, что ее час настал.

С этого мгновения в окрестных деревнях и селах стали происходить странные события. Заговорили о найденных в лесу костях и черепах, о пропавшем ребенке, о страшной колдунье, живущей в темном лесу... Стали таинственным образом оживать глупые рассказы и бабкины сказки. И, что самое ужасное, эти рассказы начали сбываться! Вспомнил, например, дед Пантелеймон историю о бешеном быке, который смеется человеческим голосом, и на следующий же день такого быка и встретил, в собственном хлеву. А Марья-повитуха поведала байку о двух близнецах, родившихся с одной головой, и через три дня у Долговязой Арины родилось именно такое чудо, а Марья собственноручно роды принимала. Ночами хохотала до упада колдунья в лесу, принесенный ветром, отдавался тот смех в деревенских окнах, заставляя людей с ненавистью смотреть в сторону темного леса и дрожать от страха.

А Цестинда все выжидала момент, когда можно будет заманить в черный лес семерых человеческих детей. Тогда наконец-то закончится позорная и бессмысленная для нее жизнь в этом мире...

Глава вторая

в которой жители Кронии узнают о коварных планах злой колдуньи и отправляют маленького героя по имени Дори сражаться с ней

Тем временем в Кронии стало известно о замыслах Цестинды. Первыми тревогу забили птицы-стражники. Они всегда сидели на ветках Дуба, и как тот ни приглушал голос в разговоре с Цестиндой, стражники разобрали все до последнего слова.

Их тревожные крики услышали эльфы, расспросили, в чем дело, и подняли шум на всю волшебную страну. На шум сбежались и слетелись все не спящие в этот час обитатели Кронии.

– Надо собирать Совет-На-Заре, и немедленно! – промолвил старый великан, ударив могучим кулаком о камень. Огромный валун разлетелся в пыль.

– Совет, Совет, Совет, – зашептали во всех концах сказочного мира.

– Завтра на утренней заре будем решать, что делать, – торжественно проговорил все тот же великан. – Зовите лунных жителей!

На том и порешили. Солнечные жители разошлись, разбежались, разлетелись каждый в свою сторону, чтобы снова сойтись на Совете. Отправили письма Лунной Правительнице и вождям лунных родов, послали самую быстrokрылую бабочку к солнечному правителю Эргену. Сказочный мир замер в ожидании Совета, все говорили только о злобной ведьме, обладающей такой силой, что сумела переманить на свою сторону Волшебный Дуб. Если даже это старое, выдавшее на своем веку столько хитростей, дерево не смогло устоять перед колдуньей, то что же она может натворить здесь? Наверняка опять поднимет бунт среди темных жителей...

«Только Эрген поможет нам, – шептались между собой солнечные жители. – Только он, больше никто!»

Эрген – солнечный владыка Кронии – был самым старым и мудрым представителем древнего рода правителей, которым суждено охранять солнечные владения сказочного мира.

Наступал вечер, и солнечным жителям пора было закрывать ставни и ложиться спать. А для лунных вечер начался весьма плохо. Давно им не приходилось просыпаться с такими неприятными новостями. Обсудив известие с сородичами, главы темных родов потянулись к жилищу своей правительницы. Тролли замерли как каменные истуканы, орки, скучившись, тихо говорили между собой, иногда взмахивая кулаками. Наконец, старая скрюченная ведьма, выйдя на крыльцо, пригласила вождей к правительнице. Над лунной стороной Кронии надолго воцарилась тишина.

Под утро собрался Совет-На-Заре – как всегда, на Большой горе, находящейся очень далеко от Огромного Дуба. Лунная правительница и вожди темных родов выглядели усталыми, ведь они сидели здесь с того момента, как приняли решение участвовать в Совете. Впрочем, у Эргена и глав солнечных родов тоже был не слишком отдохнувший вид, ведь им пришлось подняться с постелей раньше времени, еще до свету.

Как только они подошли, Лунная Правительница встала.

– Войны не будет! – сразу же заявила она. – Что бы ни случилось, ни один лунный род не встанет на сторону отступницы Цестинды! Мы это решили и в этом клянемся!

Правительница подняла правую руку и склонила голову. Так же поступили и ее спутники. Эрген поспешил успокоить правительницу:

– Никто не хочет войны. Надо решить, что делать с изменницей, чтобы раз и навсегда покончить с этой угрозой, пока Цестинда и впрямь не успела подчинить себе волшебный Дуб.

Старый греmlin и Лунная Правительница сели на каменные троны. Рядом по кругу расположились их свиты.

Старейшина лунных гномов попросил слова и напомнил всем о когда-то выкованном ими ларце, в который собирались заточить бунтарку.

– Волшебный ларец пуст, но он цел! Надо выполнить решение первого Совета!

Старшина гномов вынул из-под широкого плаща ларец и поставил на середину круга. Волшебный орел раскрыл могучий клюв и расправил сильные крылья. Большие злые глаза угрожающе то закрывались, то открывались, оглядывая собравшихся. Идея заточить Цестинду в ларец всем понравилась, вопрос был только в том, как это осуществить. Как поймать Цестинду в земном мире?

– Этот ларец не может отправиться в мир людей, – покачал головой старший гном. Но ту же сам предложил решение: – Но у нас есть макет, по которому любой кузнец на земле сможет его повторить.

Гном положил рядом с железным ларцом деревянный – точную его копию. Только тот ларец не казался живым, а клюв и глаза у деревянного орла на крышке были закрыты.

Жители Кронии взволнованно зашептались. Кто-то должен отправиться в мир людей, найти там колдунью и хитростью и чарами заманить ее в ларец. Но кто же это сделает, какой смельчак? Добровольцев как-то не нашлось. Даже бесстрашные орки вдруг заинтересовались далекими облаками, а толстокожие гоблины, которым, казалось, все на свете ни по чем, стали пристально разглядывать свои лапы, словно все разом обнаружили на них что-то непонятное.

Эрген встал.

– Пусть пойдет мой сын Дори. Он был мал, когда шла Страшная Битва, но теперь вырос. Когда-нибудь он станет Правителем Солнечной стороны. Давайте дадим ему шанс проявить себя в трудном и опасном деле!

Все, кто услышал это предложение, согласились с превеликой радостью. Один только Дори совсем не был счастлив. Трусоватый по натуре, он отнюдь не горел желанием преодолевать опасности и совершать подвиги.

– Отец, а почему именно я? – спросил юный гремлин. – Может, кто-нибудь другой? В Кронии так много храбрецов и героев...

Но Правитель был непреклонен:

– Именно ты! Ты поможешь нам обезвредить эту ведьму! Бери ларец, сынок! Пора и тебе вставать на славный путь героев нашего славного рода, – торжественно объявил Эрген и протянул сыну ларец.

– Я не могу! Я боюсь! – Дори отступил на несколько шагов. – То есть, я хотел сказать, боюсь, что не справлюсь...

– Боятся только те, у кого совесть нечиста! – сурово возразил Эрген. – Спаси наш мир! На тебя вся надежда!

Дори оглянулся на своих сородичей. Какие же они разные! Но сейчас все как один – от крошечных гномов до огромных великанов, от нежных бабочек с девичьими лицами до грубых орков и от невесомых эльфов с прозрачными крыльями до массивных гоблинов, тяжело ступающих по земле слоноподобными ногами – смотрели на него как на героя, с надеждой и преданностью. Юный гремлин вдруг понял, как много он сейчас значит для волшебной страны. «Да, я смогу!» – промелькнула в его голове мысль, и он гордо расправил плечи и шагнул к Эргену.

– Бери ларец и иди! Я дам тебе облик человека, но только на три дня! Постарайся уложиться в этот срок, иначе остаться тебе там навеки! – торжественно произнес Эрген.

* * *

И Дори отправился в человеческий мир. Сначала молодой гремлин передвигался по стволу медленно, тягуче, словно Дуб сопротивлялся его движениям и не хотел пускать. Но потом, когда Правители Кронии заметили это и, взявшись за руки, произнесли заклинание, Дори получил такое ускорение, словно Дуб дал ему пинка. Хорошо еще, что от испуга гремлин потерял сознание раньше, чем сообразил, что переход завершен.

Открыв глаза, Дори сначала не понял, где находится.

Он привстал и, оглядевшись, вскрикнул. Его взору открылась безрадостная и даже, пожалуй, жутковатая картина. Под ногами серая безжизненная земля с редкими пучками пожухлой травы, сухие стволы деревьев стоят плотным частоколом... И тихо – какая-то страшная, зловещая тишина. По сравнению с цветущей, утопающей в пышной зелени Кронии с ее серебристыми шумными ручьями, чудесными птицами и волшебными плодами, мир людей производил поистине удручающее впечатление.

А дуб-то, дуб, столь знакомый Дори Огромный Дуб! Здесь он выглядел не просто иначе, а устрашающе. Черный сухой ствол с торчащими из земли уродливыми корнями, ни зеленого листочка, ни молодого побега – вообще никаких признаков жизни. Неудивительно, что ведьме удалось сговориться с этим сухим уродом! Отвернувшись от Дуба, Дори поглядел в другую сторону, и в поле его зрения попала покосившаяся избушка, столь же несимпатичного вида, сколь и дуб. Сын солнечного правителя Кронии был хоть и трусоват, но не глуп, и тут же догадался, что перед ним жилище ведьмы.

Гремлин попятился к кустам и наступил на что-то острое. Он охнул от боли и поднял с земли деревянный ларец с фигуркой орла на крышке. Именно на его клюв бедный Дори и напоролся.

Сын правителя решил осмотреть ступню, чтобы узнать, сильно ли поранился, и вдруг понял, что его ноги – совсем не его. Куда-то подевался пушистый мех, ступни уменьшились... Да что там ноги, он весь изменился! Ощупав и оглядев себя, Дори обнаружил, что его длинные широкие уши стали меньше и круглее, лицо поменялось, голова тоже изменила форму, лишившаяся меха кожа стала гладкой, а тело и руки удлинились и вытянулись. Больше того, на нем оказалась какая-то одежда, хотя гремлины сроду никогда ни во что не одевались и не обувались. Человеческое обличие, это самое настоящее человеческое обличие!

Итак, Дори находится в мире людей и выглядел как человек. А значит, пора приниматься за дело. Гремлин поднял ларец, шагнул к домику колдуньи и уже открыл рот, чтобы бесстрашно заорать: «Бойся меня, коварная ведьма!», но осекся на первом же слове. Только сейчас он осознал всю сложность своего положения. Он в чужом мире, страшная ведьма рядом, а волшебный ларец – всего лишь простая деревяшка... Загнать в него Цестинду не удастся, никакое колдовство не поможет. Нужно срочно изготовить ларец из металла. А такая работа под силу только кузнецу. Значит, придется найти кузнеца. Вот только где его искать?..

Однако сын солнечного правителя недаром славился своей смекалкой. Он быстро сообразил, что проще всего найти человеческое жилье по запаху. Люди всегда стряпают еду, а уж что-то, но аромат готовящихся блюд Дори способен почуять за версту. Поесть он очень любил, и не было для молодого гремлина в жизни большей радости, чем посидеть за столом, заставленным вкусной едой.

Стараясь прятаться за сухими стволами деревьев, чтобы его не увидела злая колдунья, Дори поспешил прочь от ведьминоho жилища, прижимая к себе ставший неимоверно тяже-

лым деревянный ларец. Прошло немало времени, прежде чем гремлин услышал приглушенный шум ручья. Здесь, в мире людей, лесной ручей не разливался на всю округу миллионами серебряных колокольчиков, он бежал через сухую чашу глухо, испуганно, стараясь лишний раз не зазвенеть о камни. Дори отправился по течению. Шел довольно долго, и наконец, к его великой радости, пейзаж вокруг начал меняться. То там, то здесь на сухой земле стали появляться островки травы, на кустах и деревьях показались зеленые листья, ручей зазвенел веселее, и где-то вдали, еще робко, зачирикали самые смелые пичуги. Впервые за долгое время пути Дори смог вдохнуть полной грудью и сразу почувствовал далекий запах хлева, дыма, парного молока и свежее выпеченного хлеба. А это значило, что человеческое жилье уже не за горами!

Обрадованный Дори пошел быстрее. Пение птиц звучало все увереннее, вскоре к нему добавились и другие, радующие душу гремлина, звуки – шорох ветра в листве, мычание коров, лай собак, голоса людей. И вот показалась речка, в которую впадал ручей, а на ее берегу – деревня, окруженная полями, где всюду кипела работа. Еще немного – и гремлин был уже на деревенской улице, среди утопающих в зелени садов, бревенчатых домиков, с достоинством прогуливающих кур и отдыхающих в лужах свиней.

Босоногие светлоголовые ребяташки прервали игру в бабки¹ и с любопытством уставились на чужака голубыми и яркими, как небо Кронии, глазами. Дори спросил у мальчишек, как найти кузнеца, и те, галдя и перебивая друг друга, указали ему нужный дом. Если говорить честно, идя к кузнецу гремлин изрядно трусил. Все-таки страшно вот так прийти к незнакомому человеку и попросить помощи в борьбе с ведьмой... Уж не погонят ли его

¹ Бабки – старинная народная игра, похожая на игру в кости, где бросают игральные кубики.

прочь? Где искать другого кузнеца, ведь времени остается не так много, отец дал на все про все три дня. Дори подошел к кузнецовскому крыльцу, собрался с духом и постучал в дверь...

А кузнец Митрофан тем временем лежал на лавке, подперев голову массивным кулаком, и горевал-кручинился. Все у него последнее время было не слава богу... Еще недавно жители деревни завидовали этому парню – он считался одним из самых зажиточных селян, хозяйство процветало, урожай наливался и спел, а его жена была самой красивой во всей округе. А потом пришла беда. Сначала перемерли все куры, потом утки, потом гуси, потом козы, потом свиньи, а потом и корова копыта откинула. Затем весь урожай на огороде тля поела, а совсем недавно и Любушка, жена родимая, захворала и умерла.

У кузнеца, да и у других жителей деревни, не оставалось сомнений в том, что все его несчастья – дело рук злобной колдуньи из темного леса. Он хорошо помнил ту ночь, когда ему приснилось, будто подходит он к колодцу воды напиться, глядит в воду, а отражается там не его, Митрофана, лицо, а морда какого-то барана. И будто смотрел-смотрел он так, не мигая от страха, а морда взяла да язык показала. А потом как захохочет, и смех тоже не Митрофанов, а будто женский, злобный какой-то. Как вскочил кузнец в кровати ни жив ни мертв. Любаша тут же проснулась.

– Что такое с тобой? – спрашивает.

А Митрофан и отдышаться не может, не то чтобы ответить. Успокоился маленько, пересказал свой сон, а Любаша вдруг и говорит:

– Митрофанушко, беда к нам пришла – смотри, не просто так птица вся сразу перемерла.

– Да что ты мелешь? – удивился тогда кузнец. – Какая беда? Случается, что и птица мрет, и скотина падает, всяко бывает в жизни.

А жена головой мотает:

– Нет, родимый, плохи наши дела. Не хотела тебе рассказывать, да ладно... Намедни в лес я ходила, вдоль ручья, по ягоды, и заплутала. Вышла на поляну какую-то. А на поляне той ведьма стояла. Я ее сразу узнала – точь-в-точь, как рассказывают. Коса длинная, тугая, глазища зеленые, как у кошки. С корягой ветхой обнялась и нашептывает-нашептывает что-то, а невдалеке – избушка. Я как увидела, так хотела бежать, да наступила на ветку сухую, хрустнула она, ведьма и обернулась. От взгляда ее я застыла, а она долго так на меня глядела и так пронзительно, словно в душу мою вошла. А потом ведьма взгляд отвела и захохотала, и страшно так захохотала, у меня хохот тот до сих пор в ушах звучит. Побежала я быстрее молнии, ветви на ходу раздвигая, через кусты перепрыгивая. Бегу, а у самой горит что-то внутри, как огонь, как пламя ненасытное. Примчалась домой и ведро воды, наверное, выпила, такая жажда во мне сидела. А теперь вот, гляди, что началось – птицы на дворе уже нет, тебе сны страшные снятся. Того и гляди, накроет нас беда с головою...

Не принял кузнец тогда эти слова всерьез, потому как половину из них прослушал – заснул грешным делом под сладкий Любушкин голос. Потом только понял, что жена-то во всем права оказалась, да не отвратить было уже несчастья.

«Уж хоть бы ведьма и меня до смерти извела, что ли, – рыдал на могиле жены Митрофан. – Зачем жить мне теперь, коли быть одному?»

С кончины Любушки уже месяц прошел, но все никак не мог прийти в себя кузнец, целыми днями просиживал он на кладбище, заливая горе вином. И по хозяйству ему не работается, и дела в кузне забросил, уже селяне недовольно ворчать стали.

Вот и сегодня пришел Митрофан с кладбища домой, плюхнулся на скрипучую лавку и разлегся, безразлично глядя в потолок. Как вдруг кто-то застучал в дверь.

– Опять Дашка, черт бы ее побрал! – воскликнул в сердцах Митрофан, поднимаясь с лавки. Дарья приходилась ему родной сестрой и жила в соседней избе с мужем и четырьмя ребятишками. После кончины Любаши она стала часто навещать к брату, пытаясь помочь по хозяйству, но кузнеца такая опека только раздражала. Он открыл дверь с намерением высказать сестре все, что накопилось, и вдруг застыл в изумлении – перед ним стоял самый странный человек, каких ему доводилось видеть. Крохотный, но не карлик, просто мужчина маленького роста, ему, кузнецу, чуть выше пояса будет. Глаза большие, бегающие, черненькие, как у зверька какого-нибудь, нос широкий, точно у поросенка, с раздувающимися ноздрями, щеки круглые и румяные, что твои наливные яблоки. Из-под странной остроконечной шляпы выбивается кудрявая челка, придавая гостю какой-то нелепый и даже смешной вид.

Когда дверь распахнулась, Дори струсил окончательно. Такими здоровенными детьми в его мире не были даже тролли, разве что великаны выше, но они не в счет... Однако делать нечего, нужно вступать в переговоры.

– Добрый день! Простите меня за незапланированный визит, но мне необходимо побеседовать с Митрофаном-кузнецом, – неслыханно витиевато для этих краев заговорил молодой гремлин.

– Ну я Митрофан, – кивнул в ответ кузнец. – А чего надо-то?

– Мне чрезвычайно нужна ваша помощь, уважаемый Митрофан! Дело повышенной важности и сложности... В общем, я прошу помочь мне обезвредить ведьму, обитающую по соседству, – краснея и запинаясь произнес Дори.

– Ведьму? – выпучив глаза, повторил Митрофан. – Это чего же, шутка, что ли, такая?

Глаза кузнеца налились кровью, а кулаки сжались. Если маленький незнакомец шутит над его бедой, то он разорвет его на части!

– Подождите, подождите, премного прошу, не торопитесь с выводами, – чуть ли не падая в обморок от страха, взмолился Дори. – Вы просто не можете себе представить, какой путь я проделал, чтобы помочь вам одолеть ведьму. Так неужели вы мне не поможете? По моему, это в наших общих интересах!

– Ты хочешь сказать, незнакомец, что эту колдунью можно победить? – покачал головой кузнец. – Вранье это! Уже столько лет она обитает в нашем лесу, и никто никогда не мог ее одолеть. Сколько добрых молодцев полегло, настоящих богатырей... Всех погубила злая ведьма. Неужели ты, маленький человечешко, можешь с ней справиться?

– Я могу, действительно могу! – вскричал Дори и вдруг взмолился. – Мне больше ничего не надо, только бы ее уничтожить, – и он вытер рукой сбежавшую по щеке слезу.

– Ладно, выкладывай, что тебе надобно, – проговорил Митрофан, смягчившись. Вдруг и впрямь гость не шутит...

Дори зачем-то оглянулся по сторонам, подошел вплотную к кузнецу и, вынув из-под полы своего плаща деревянный ларец, с гордостью вручил его Митрофану.

– Это волшебный ларец, вернее, его макет! – торжественно произнес он, с трепетом ожидая, когда кузнец закончит рассматривать ларчик.

– И что с ним делать? – спросил Митрофан, пожав широченными плечами.

– Нужно выковать точно такой же из металла, – пояснил Дори. – Тогда мы пойдем все вместе – и хорошо б, чтобы нас было побольше, – к ведьме в лес. Если открыть ларец, ее засосет в него, словно в болото!

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил кузнец.

– Я знаю, я точно знаю, – торопливо уверял Дори. – Мне дал этот макет э-э-э... очень добрый волшебник, он борется со всякими ведьмами, колдунами и прочей гадостью...

– Ну а если твой волшебник сбредет? – не сдавался Митрофан.

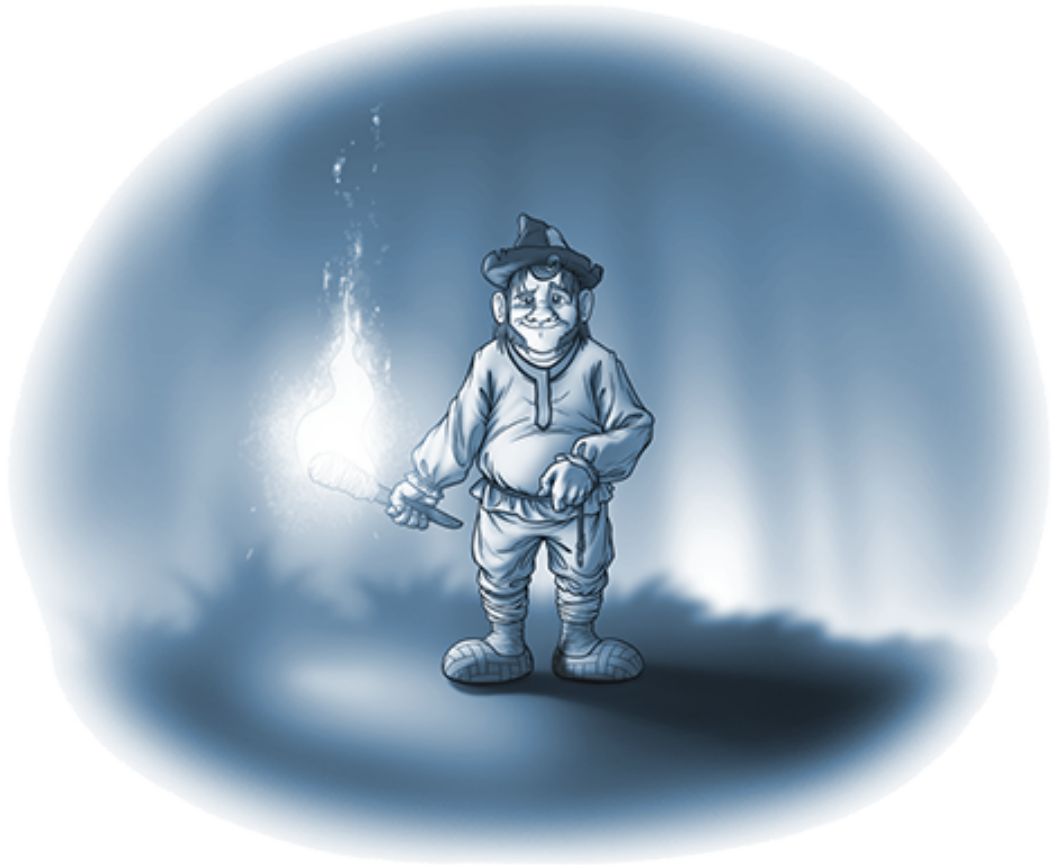
– Своей головой ручаюсь, – поклялся Дори. – Если не удастся, сделайте со мной что хотите, – он поднял руки вверх, словно сдаваясь, и тихонько прошептал себе под нос: – Всё равно ничего хорошего мне тогда не ждать...

«Странный малый, – думал про себя кузнец. – Ишь чего наплел... Хотя... Поверить ему разве? Мне теперь ни бояться, ни терять нечего. Эта ведьма отобрала у меня все, что я имел. Не одолею ее, так хоть попытаюсь отомстить за Любашу...»

– Да, и еще, – добавил Дори, увидев по лицу кузнеца, что тот уже начал склоняться на его сторону. – Мы значительно ограничены во времени. Нам нужно все сделать за ближайшие два дня.

– Ну, тогда я возьмусь за дело сейчас же, – оживился кузнец.

– Простите великодушно! А нельзя ли мне кусочек этого славного пирога? Такое впечатление, что я не ел с самого своего рождения! – Дори покраснел, а круглый животик забурчал, точно присоединяясь к просьбе.

– Да бери что хочешь, угощайся, – добродушно разрешил кузнец.

Гремлин не заставил себя упрашивать и ту же впился зубами в хрустящую горбушку. Хоть на время переложив заботу о ларце на чужие плечи, он повеселел и накинудся на Дарьину стряпню, отдав должное и румяному пирогу, и куриной похлебке, и пареной брюкве, и соленым груздям, и вишневому варенью. Так что в эту ночь съестных запасов у кузнеца сильно поубавилось.

Глава третья

в которой рассказывается, как бесстрашный Дори победил ужасную ведьму... но не совсем

Всю ночь Митрофан трудился в кузне, выковывая копию ларца, а на рассвете разбудил своего гостя, посапывавшего после сытного ужина на печи, и показал готовую работу. Увидев результат его трудов, Дори так и ахнул. Ларец получился точь-в-точь, как оставшийся в Кронии оригинал, только еще страшнее, еще величественнее. Глаза орла на крышке сверкали хищным блеском, клюв жадно приоткрылся, словно поджидая добычу, а крылья серебром переливались на солнце.

– Ну как? – любовно разглядывая орла, поинтересовался кузнец.

– Ты самый настоящий волшебник, Митрофан! – искренне заверил Дори. – Не знаю, мог ли кто-то сделать лучше! А теперь надо народ собирать. Много народу.

Митрофан потупился. Неподдельное восхищение странного маленького человечка было ему очень приятно. Кузнец понял, что сделал работу по-настоящему хорошо. И в этот момент почему-то искренне поверил, что в битве с ведьмой ларец сработает.

Вечером, когда люди вернулись с полей и огородов, по деревне разнесся призывный звон. Обычно он извещал жителей о пожаре или иной беде. Потому каждый раз, когда раздавались резкие звуки импровизированного колокола, сделанного из железной скобы и большого кузнечного молота, люди вздрагивали, зная, что повод, по которому их скликают, вряд ли будет добрым. Однако в этот раз у колодца селян ждала странная картина. Незнакомый потешный человечек колотил по железяке, а рядом стоял суровый кузнец. У его ног, на перевернутом ведре, красовался сундучок с птицей на крышке. Крестьяне окружили кузнеца и странного человечка плотным кольцом. Со всех сторон посыпались недоуменные вопросы. Что случилось? Зачем кузнец созвал их? Какого черта задумал? Звучно откашлявшись, Митрофан взял слово.

– Все вы знаете, какое у меня случилось горе, и знаете, кто в этом повинен, – сказал он, глядя себе под ноги. Народ согласно закивал. – Не секрет для нас, кто виноват во всех несчастьях, обрушившихся на нашу деревню. Но Господь сжалился над нами и послал этого человека, который знает, как уничтожить злую колдунью. Теперь я смогу отомстить за свою Любашу, а все мы спасти нашу деревню. Я выковал этот ларец, – и Митрофан показал на ларчик с величественным орлом на крышке. – Он избавит нас от ведьмы!

– А что с этим сундучком делать-то? – недоуменно спросил дед Антип, бойкий и юркий старикашка.

– Этот ларец станет для ведьмы тюрьмой, мы в него ее саму и злобу ее заточим! – грозно ответил кузнец. – Другого выхода у нас нет. Она все равно житья нам не даст! Надо пробовать! Ну, кто со мной? – и он сдвинул брови, оглядывая толпу.

– Ой, не знаю, не знаю, – попятился худощавый Петька с соседнего двора, поглядывая на остальных. – А если твой ларец не сработает? Она всех нас там же и сожрет!

Кузнец не успел ответить.

– Слушайте, мужики, что мы, как бабы, жмемся? – загремел Прохор, первый силач и кулачный боец на деревне. – Попытка не пытка! А ты, Петька, что-то лучшее придумал? Я вот с Митрофаном пойду! Сколько можно эту гадюку терпеть?

– И я! – подхватил дед Антип.

– И я! И я! Я тоже иду! – один за другим стали откликаться сельчане.

– Так я ж сразу и сказал, что идти надо, спору нет! – поддакнул Петька.

Но тут с другого конца деревни раздался визгливый бабий голос.

– Батюшки, милые, детки пропали, – голосила пухлая Фекла. – Я им наказала подле дома играть, а они... Ух, я им задам, когда вернутся! Мужики, кормильцы, поищите внучков, а? – взмолилась Фекла, подбегая к колодцу. – В лес не иначе как ушли, неслухи, а там ведьма, будь она проклята! Еще случится что... – и бабка, погрозив кулаком куда-то вдаль, громко разревелась.

– Ладно, поглядим, – попытался успокоить ее Прохор. – Не реви, найдутся ребяташки, никуда не денутся.

* * *

И невдомек им всем было, что как раз в то время, когда люди собирались идти в темный лес, Цестинда колдовала у себя в избушке. Несмотря на сумерки, там было светло – горница освещалась семью толстыми черными свечами, подсвечниками для которых служили отрубленные и высушенные человеческие руки.

Очистив стол от всего ненужного, ведьма нарисовала травяным соком прямо на столешнице нечто, похожее на карту. В середине рисунка из плоски, заполненной песком, торчала толстая сухая ветка, изображавшая дуб, рядом расположился комок глины, формой напоминающий ведьмину избушку. А поодаль, почти на краю стола, выстроились другие глиняные домики – это была та самая деревня, куда вчера забрел Дори.

Остро заточенной человеческой костью Цестинда медленно двигала от «деревни» к площадке с веткой семь маленьких кукол. Уродливо сплетенные из соломы и тряпочек, они тем не менее удивительно напоминали детские фигурки. Ведьма беспрестанно бормотала, что-то подсыпая на стол, водила над фигурками руками, дула, капала всякие отвары...

* * *

– Ванька, вон ты где схоронился! Вижу, вижу, за пнем сидишь! Вылазь! Теперь тебе водить! Только, чур, не подглядывать, а то знаю я тебя! – кричала Танюшка, прячась за можжевельный куст.

– Только ты быстрее нас находи, а то боязно одному сидеть, в лесу-то, – промычал толстый Влас.

– Домой бы пора, – рассудительно проговорила Катька, самая старшая из ребят. – А то бабка Свекла мне все косы повывергивает...

– Так все равно ж повывергивает! А домой всегда успеется, – по-взрослому махнул рукой Тишка.

– Я есть хочу, – захныкала маленькая Дуня.

– Ну, еще разок спрячемся – и мигом домой! – заключил Федя, бывший у ребят за главного. – Дунька, не реви! Иди, я тебе покажу, где схорониться можно – Ванька тебя ни в жисть не найдет.

* * *

Отряд мужиков, наконец, собрался. Вооружившись кто чем мог – дрекольем, топорами, вилами, запасшись факелами, крестьяне двигались вдоль ручья. Кузнец шел впереди. В одной руке у него был самый большой молот, в другой он нес ларец. Митрофан шагал уверенно, тяжело ступая, пудовый молот в его руке казался невесомым. Два нательных крестика – свой и покойной Любаши – блестели на его груди в распахнутом вороте рубахи. Он надеялся только на защиту любви, своего молота и волшебного ларца, принесенного стран-

ным маленьким незнакомцем. Лицо кузнеца выражало мрачную уверенность. Было ясно, что он или победит ведьму, или останется в лесу навсегда.

Остальные повесили на себя чеснок, перевязали волосы нитками (считая, что это отпугивает ведьм), взяли с собой иконки. Кое-кто запасся и склянками со святой водой.

Шли молча, лишь изредка переговариваясь. Темнело, свет факелов отбрасывал на лица крестьян резкие тени. От этого лица мужиков казались еще решительнее.

Дори почти бежал рядом с Митрофаном, не успевая за его широкими шагами. Ему тоже передалась от кузнеца уверенность в победе, и он только изредка вспоминал, что в случае неудачи так и останется в этом мире навеки... Если не случится еще чего похуже. Однако сын правителя гнал от себя такие мысли и изо всех сил старался не отстать от своего могучего товарища.

– Скоро уже придем! – сказал он кузнецу.

Митрофан молча кивнул.

А Цестинда острой костью подталкивала детские фигурки все ближе и ближе к избушке.

* * *

– Ну куда вы все спрятались? – чуть не плакал Влас. – Ну вылезайте, боязно мне тут одному!..

– И впрямь пойдемте домой, смеркается уже, – поддержала его Танюшка.

– Сдаешься? – крикнул откуда-то Тишка.

– Да сдаемся, сдаемся, только пойдемте отсюда быстрее! – кричала Катя. – Совсем заигрались, вон уже ночь на дворе... Ох, и попадет же нам!..

– А куда идти-то? – спросил Ваня. – Вы знаете дорогу?

– По светлу-то яснее было... Но, наверное, туда. Айда за мной! – Федя решительно направился к кривой березке, ребятня побежала следом.

И впрямь стемнело, да как быстро! Только что был белый день, и солнечные лучи пробивались сквозь листву, как вдруг весь лес погрузился во мрак. Стало страшно, да не просто страшно – жутко! Где-то ухала сова, деревья в темноте казались невиданными чудищами, которые тянут к тебе свои руки-ветви и вот-вот схватят... Дрожа от страха, дети все теснее жались друг к дружке.

Вдруг впереди хрустнула ветка, густые кусты раздвинулись, и детские глаза резко ослепил непонятно откуда появившийся яркий свет...

– А-а-а-а! – дружно заорали дети не своими голосами.

Цестинда услышала вопль ребятешек и довольно потерла руки. «Дело почти сделано. Еще чуть-чуть...» – злорадно усмехнулась она. Острая человеческая кость в ее руке начала расти, превращаясь в подобие длинного ножа. Поправив косу, ведьма направилась к двери.

– Вот они где! А ну, пострелята, марш домой! Бабка Фекла уже вся извелась, – донеслось вдруг снаружи.

Это еще что? От изумления Цестинда даже выронила нож. Такого поворота событий в ее колдовстве не предполагалось.

– Выходи, ведьма! – доносились снаружи громкие мужицкие голоса, звучавшие совсем рядом с избушкой.

– Выходи и сдохни, убийца наших детей! – крикнул кто-то.

– Ведьма! – зычный крик кузнеца Митрофана перекрыл остальные голоса. – Выходи и ответь за свое черное колдовство! За мою жену!

– За моего отца! – добавил Прохор.

– За мой скот!

– И за моего сына!

Ведьма резко повернулась к столу. Детские фигурки сами собой разлетелись, и теперь их нигде не было видно. Вот досада! Как же не вовремя приперлись эти глупые людишки!.. Впрочем, кого-кого, а уж их Цестинда не боялась. Вышла на порог посмотреть, в чем дело, и увидела, что перед ее избушкой собралась толпа мужиков. Одни держали пылающие факелы, другие – острые вилы, третьи – какие-то дубины. Рваные, грязные, неотесанные – как же она ненавидела этот сброд!

Оглядев толпу зловещим взглядом, ведьма скрипуче проговорила:

– Видно, у вас была веская причина, раз вы явились сюда среди ночи.

И засверкала глазами, захохотала зловеще, точно зная, что от ее вида и смеха у этих жалких козявок сразу со страху душа в пятки уйдет.

Так и вышло. Мужики испугались, отпрянули. Дори спрятался за спину кузнеца и задрожал. На Петьку злобный взгляд ведьмы подействовал сильнее всего, он замер, словно вкопанный, и не мог сдвинуться с места. Кое-кто из мужиков уже собрался было дать деру, но голос Митрофана их остановил:

– Стой, ребята! Не время трусить! Мы пришли сюда убить ее! Смерть ведьме!

– Сожжем ее живьем! – закричал дед Антип.

– Смерть ведьме! – вторил ему Прохор.

– Мужики, зажигай!

– Зажигай, мужики!

– Сдохни, колдунья! – доносились голоса.

На эти вопли Цестинда злобно рассмеялась. Она подняла руку, и тут же ее длинная коса зашевелилась. Вокруг волос поднялся куб дыма, и вся толпа замерла, ожидая чего-то страшного. Коса извивалась, словно змея, и вот уже у нее появились большие желто-зеленые глаза. Еще мгновение, и длинный противный язык показался из открытого рта и, раскачива-

ясь, словно подзывая добычу, скрылся в пасти. Змея ползла на мужиков, а проклятая ведьма в рваном черном балахоне с болтающимся на груди ожерельем из черепов застыла на месте. Змея подползла ближе к толпе и начала забираться по ноге Петра. Вот она уже коснулась его живота, вот уже обхватила его за пояс... Мгновение – и с резким взмахом ведьминых рук змей поднял Петьку высоко над собой, держа его за одну ногу.

Дори отпрыгнул в сторону, но споткнулся и упал. Среди мужиков началась паника. Кто-то бросил факел на землю, кто-то стоял как вкопанный и глядел в оцепенении на висевшего над ними Петра, кто-то пытался перекричать страх. Один только Митрофан справился с одолевавшим его ужасом. Держа ларец на вытянутых руках, он отчаянно рванулся к ведьме. И тут случилось чудо – ларец ожил!

Орел вдруг раскрыл клюв, и оттуда выбился яркий свет. Семь ослепительных лучей осветили черный мрачный лес, и змея застыла на месте, а потом упала наземь, освободив орущего Петьку. Ведьма вышла из транса и растерянно уставилась на ларец. На мгновение лес охватила гробовая тишина, а затем колдунью стало бить сильной дрожью, словно в лихорадке. Она вся тряслась, издавая непонятные шипящие звуки, и под конец, окинув ненавидящим взглядом всю толпу, закрутилась на месте, шипя и выкрикивая: «Навеки проклиная это место! Отныне здесь будут царить только страх и зло! Проклинаю всех, кто станет жить на этой земле, дышать этим воздухом...» Она не успела договорить, потому что пришедшие в себя мужики подняли факелы и начали забрасывать колдунью огнем. Один из факелов попал прямо в нее, и одежда Цестинды загорелась. Еще одна огненная полоса чиркнула над ее головой, и вспыхнула ведьмина изба.

– Чтоб тебе нашлось место в аду! – голос Митрофана перекрыл общий крик и треск пламени.

Огонь разгорался все сильнее и сильнее. Вот уже не видно страшного ведьмино лица, только столб черного дыма и ревущие языки пламени.

В этот момент колдунья издала последний истошный вой, и из ее тела вылетел злой дух, напоминавший большое черное облако. У этого облака были руки и ноги, на лице – пустые глазницы, а вместо рта – огромная пасть. Лицо у духа постоянно менялось, искажалось в гримасах одна уродливее другой.

Со зловещим криком, от которого у людей внутри словно что-то сжалось, дух пролетел над толпой и скрылся в распахнувшемся ларце, словно его втянул в себя мощный пылесос. Клюв орла захлопнулся, и ларец снова принял совершенно безжизненный вид, точно был самой обычной, а вовсе не волшебной вещью. В сухом лесу наступила тишина. Мужики замерли, будучи не в состоянии вымолвить ни слова, многие без сил опустились на землю. В этот момент горевшая крыша домика рухнула на дотлевающее тело ведьмы.

Митрофан, словно проснувшись, оглянулся, ища глазами маленького потешного незнакомца, но того нигде не было. Человечек точно сквозь землю провалился.

– А с этим что делать? – спросил кузнец в пространство, показывая на ларец. Подергал крышку и убедился в том, что она надежно захлопнулась, будто ее заперли на сотню крепких замков.

Никто не ответил. Митрофан осторожно поставил ларец на ближайший пенёк и отступил от пары шагов. Все-таки внутри был злобный ведьмин дух, и держать ларец, хоть и крепко закрытый, в руках было боязно. Мужики стали подходить ближе, в свете пожара стараясь рассмотреть ларец.

– Давайте здесь же и закопаем. Здесь жила, пусть здесь и остается! – предложил Прохор, показывая на догорающее костровище.

– А если кто найдет? – засомневался Митрофан.

– А мы напишем, чтоб не открывали. Где у нас Митька-писарь? Митька, грамотей, ну-ка, поди сюда, – позвал дед Антип.

Митька, худенький кучерявый парнишка, прошел вперед и с опаской поглядел на ларец.

– А чего писать-то? – помявшись, спросил он.

– Да, чай, сам знаешь, – ответил ему пришедший в себя Петька. – Чтоб не открывали ни в жисть.

Митька почесал в затылке.

– Мне перо бы... – протянул он.

– А вон у него выдери, – пошутил дед Антип, указав на металлического орла. Все засмеялись, и стало уже не так страшно.

– На вот, ножом, – придумал кузнец.

Митька взял у него нож и нацарапал на крышке ларца большими корявыми буквами: «НИАТКРЫВАТЬ».

– Ну вот и всё, – с облегчением вздохнул Прохор. – Теперь закопаем – и дело сделано!

– А если все равно откроют? – еще сомневался Митрофан.

– Тогда пусть на себя и пеняют, – усмехнулся дед Антип. – Мы-то уж точно этого делать не станем. И детям, и внукам накажем, чтобы не открывали.

Разбросав головешки, оставшиеся от ведьмино дома, мужики взялись за лопаты. И вскоре ларец исчез в земле прямо под корнями сухого дуба. Со страшной колдуньей было покончено.

* * *

А что же Дори, куда он делся, спросите вы? Не беспокойтесь, с ним ничего не случилось. Едва дух Цестинды оказался в ларце, гремлин счел, что его задание выполнено и поспешил вернуться домой той же дорогой, какой и попал сюда – по стволу Огромного Дуба. В Кронии гремлин с гордостью доложил Совету-на-Заре, что миссия выполнена, Цестинда обезврежена и заточена в ларец, и получил причитающуюся ему долю славы и признания. С тех пор почитаемый как герой Дори зажил спокойно, изредка рассказывая желающим о своих приключениях в мире людей.

Ларец пролежал в земле рядом с волшебным дубом полтысячи лет. Полтысячи лет метался в нем злобный дух ведьмы, терзаясь в муках одиночества. Он жаждал мести, рвался наружу, но тщетно. За это время мир изменился, изменились люди, многое забылось, и даже память о тех ужасных событиях превратилась в легенду. Местные жители почти не помнили страшных рассказов своих предков, а если до них и доходили отголоски этих историй, то никто не воспринимал их всерьез.

Глава четвертая

в которой Геля выигрывает литературный конкурс, злобная ведьма Цестинда возрождается к жизни, и маленькому герою приходится вновь отправляться на подвиги

Итак, прошло много-много лет. И в середине прошлого века неподалеку от того места, где когда-то стоял жуткий дом злобной колдуньи, построили базу отдыха. Рядом с лесом, который давным-давно уже снова стал зеленым и густым, выкопали красивый пруд, поставили на его берегу уютные домики, разбили клумбы, проложили дорожки, отгородили территорию изысканным кованым забором и назвали базу «Митрофаново» – в честь деревни Митрофановки, которая, судя по старым картам, когда-то была неподалеку. С тех пор база круглый год принимала в свои объятия отдыхающих по путевкам от профсоюза – кого по одному, а кого и целыми семьями. Днем все вместе гуляли по лесу, удили рыбу в пруду, летом плавали на лодках, купались, загорали и играли на лужайках в футбол и волейбол, а зимой бегали на лыжах и катались с ледяных гор. По вечерам, после ужина, когда взрослые отправлялись на танцы или смотреть кино, их сыновья и дочери собирались где-нибудь в укромном уголке и рассказывали друг другу страшилки про ребят, которые якобы погибли на этой самой базе отдыха при ужасных и таинственных обстоятельствах. Но только, как это обычно бывает, никто толком в эти байки не верил, кроме самих рассказчиков... Да и они, наверное, тоже не очень.

Потом началась перестройка. Фабрика, владевшая «Митрофановым», разорилась и закрылась, и база отдыха, которой больше никто не занимался, пришла в запустение. Пруд зарос ряской, лодки прохудились и сгнили, здания обветшали. Некогда чудесный уголок превратился в мрачные руины. И так продолжалось почти двадцать лет. До тех пор, пока лет пять назад одному богатому человеку не пришла в голову идея воскресить базу отдыха. А почему бы и нет? Места там красивые, экология хорошая, хотя от города не так уж далеко. И коммуникации все уже имеются. Привести в порядок территорию, застроить, оборудовать как следует, дать рекламу, и народ валом повалит.

Сказано – сделано. Предприниматель оформил необходимые документы, нанял строителей, обсудил с архитекторами план, и работа закипела. Домики отремонтировали, пришедшие в негодность строения снесли и построили новые – этикие рубленые избушки в вечно модном русском стиле. Через речку перебросили мост, разбили клумбы и цветники, поставили беседок и скамеек, соорудили из деревянных кругляшей дорожки по всей территории и тропу к еще одной митрофановской достопримечательности – старой мельнице. Появились здесь и русская баня, и финская сауна, и бассейн, и помещения для бильярда и боулинга. Словом, еще совсем немного, и база отдыха готова будет принимать гостей. Название ей новый хозяин тоже решил сменить, сочтя, что «Митрофаново» звучит не слишком красиво. Пусть лучше будет «Зеленая дубрава».

Тут надо сказать два слова о владельце базы, точнее, о его семействе. Потому что интересует нас не сам предприниматель и его супруга, а их единственный ребенок – дочь Ангелина. Как раз к тому времени Геле, как называли ее дома, исполнилось тринадцать лет. Родители в ней души не чаяли, и потому девочка выросла довольно капризным и избалованным существом, уверенным в том, что ей все на свете позволено. Одевалась Геля только в брендовую одежду из последних коллекций ведущих модельеров, и все ее многочисленные гаджеты были исключительно новейших моделей. Как всякая гламурная барышня, она больше всего на свете любила розовый цвет, стразики и свою маленькую собачку Тиффани. А еще – это было уже не совсем гламурно, скорее готично – Ангелине очень нравились ужастики. Настолько нравились, что в один прекрасный день девочка вообразила, что и сама может

сочинять страшные истории. К работе Геля подошла очень серьезно, все выходные просидела за ноутбуком и создала, как ей казалось, настоящий литературный шедевр про белокурую фотомоделю Ангелину, которая попала в мрачный старинный замок, где жил прекрасный и коварный юноша-вампир.

Едва поставив последнюю точку, Геля тут же отправилась на популярный сайт интернет-авторов, пишущих фэнтези, опубликовала там свое творение и села ждать восторженных откликов. Но почему-то не дождалась. Вернее, отклики были, только отнюдь не восторженные. Читатели не сказали ни одного доброго слова о замечательной вампирской истории. Большинство из них безжалостно высмеяли и стиль, и сюжет, и персонажей, только несколько человек, которые поняли, что текст написан ребенком, мягко посоветовали автору больше читать хороших книг и подтянуть русский язык. Читая отзывы, Геля рыдала от обиды и в конце концов со злости даже разбила новенький планшет об стену. Дня два она была в депрессии (ей очень нравилось это слово, тоже, разумеется, почерпнутое из Интернета) и заявляла, что никогда в жизни, ни за что больше не будет ничего писать, даже сочинений в

школе! Но на третий день Геля передумала. В ее светловолосой голове созрел план, как она может всем отомстить...

Ангелина отправилась к папочке и заявила, что в этот раз хочет получить особый подарок на приближающийся день рождения. Колечко из розового золота и швейцарские часики могут подождать. А вместо этого папина фирма должна устроить в интернете литературный конкурс на лучший ужастик. И во всеуслышание объявить победителя, которым, разумеется, станет она, Геля.

Отец, услышав такую просьбу, больше смахивающую на приказ, слегка обалдел. Но так как он обожал свою дочь и никогда (ну, почти никогда) ни в чем ей не отказывал, то обдумал предложение и пришел к выводу, что в нем есть очень даже здоровое основание. База отдыха к весне уже откроется, так почему бы не начать рекламную кампанию уже сейчас? Действительно замутить конкурс, который хочет Гелька, а в качестве приза отправить десяток победителей в «Зеленую дубраву». Тогда название базы засветится в Интернете, его увидят тысячи людей, на халяву отдохнувшие победители конкурса расскажут о «Дубраве» друзьям и знакомым, а те – своим... И пойдут круги по воде.

Подсчитав, во что обойдется ему подобная реклама, взвесив все за и против, бизнесмен сказал дочке:

– Геля, я решил принять твое предложение. Но при условии, что конкурс мы проведем только среди твоих ровесников.

И увидев, как нахмурилась дочь, добавил:

– Милая, надо учиться быть объективной по отношению к себе. Нам с мамой очень понравилась твоя страшная история, но, сама посуди, она все же не может быть лучше *всех* рассказов, написанных взрослыми авторами.

Ангелина надула губы, но промолчала. Как ни хотелось ей утереть нос всем своим критикам, она все же вынуждена была признать, что папа прав.

– Ну ладно, давай так, – согласилась девочка. – А какой будет первый приз для меня? Может, поездка в Майами?

– Почти угадала! – засмеялся отец. – Действительно поездка. Только не в Майами, а немного поближе. На мою новую турбазу. Ты и еще человек десять ребят-победителей в новогодние каникулы отдохнете вместе с родителями в «Зеленой дубраве».

– Ну не-е-ет, – разочарованно протянула Геля. – Я так не согласна!

– А я не согласен иначе, – уперся отец.

Расстроенная Геля думала до вечера и перед сном заявила отцу:

– Ладно, ты меня уговорил... Почти. У меня только два условия. Во-первых, десять победителей – это слишком много. Хватит и пяти, максимум семи. А во-вторых, никаких родителей! Если я и поеду туда, то только без вас!

– Гелечка, ну что ты такое говоришь?! – мама, которая тоже присутствовала при разговоре, всплеснула ухоженными руками с французским маникюром. – Кто ж тебя отпустит туда одну? А других детей?

– Но ведь отпускают же других ребят в детские лагеря? – тут же возразила дочь. – У нас уже полкласса ездили куда-то одни. И только я все время с вами, как пришитая. Нет уж, хватит! Мне пора взрослеть и это... становиться независимой, вот.

Не стану утомлять вас подробностями этого семейного спора, тем более что затянулся он надолго. Скажу только, что Геля вышла из него победительницей, поскольку сумела настоять на своем. Папа в конце концов сдался и согласился принять в «Зеленой дубраве» только детей. Конечно, ради этого придется придумать специальную программу, усилить охрану, пригласить педагогов, аниматоров и так далее, но чего не сделаешь ради любимой дочки?

Словом, литературный интернет-конкурс на лучший ужастик состоялся и прошел вполне успешно. В нем приняли участие несколько сотен юных авторов в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, но первое место, разумеется, занял рассказ о красавце-вампире и фотомодели Ангелине.

С награждением все вышло не слишком гладко, кто-то из ребят отказался от поездки сам, кого-то непустили родители. Но в итоге все утряслось. На новогодние каникулы, которые были уже не за горами, в «Зеленую дубраву» должны были отправиться первые отдыхающие – восемь мальчиков и девочек во главе с Гелей. И на турбазе начали старательно готовиться к этому событию.

Разумеется, несмотря на малое количество гостей, численность персонала «Зеленой дубравы» была намного больше. Охранники, повара, официанты, посудомойки, уборщицы, истопники, рабочие... А теперь к этой команде добавились педагоги и детские аниматоры. Возглавила их группу некая Зоя Львовна. Владельцу турбазы ее очень рекомендовали знакомые как отличного педагога, но Гелиному отцу эта дама неопределенного возраста не слишком понравилась – типичный сухарь, синий чулок в старомодном коричневом костюме и со строгим пучком блеклых волос на голове. При первой встрече она с места в карьер начала что-то занудно толковать о синтезе педагогических методик Песталоцци, Лесгафта и Ушинского. Бизнесмен тут же испуганно замахал руками:

– Стоп-стоп, Зоя Львовна! Я в педагогику не лезу, это по вашей части... Главное, чтобы вы за детьми хорошо смотрели!

Однако на маму Гели педагогиня произвела совсем другое, куда более благоприятное впечатление. И услышав заявление супруги, что такому надежному и ответственному человеку, как Зоя Львовна, она, пожалуй, может доверить свою дочь на каникулы, владделец турбазы все же принял педагогиню на работу. На радостях та задолго до начала праздников отправилась в «Зеленую дубраву», чтобы, как она сама выразилась, «подготовить нагляд-

ную агитацию, утвердить культурные мероприятия и провести осмотр корпусов на предмет наличия зимних одеял».

Не знаю уж как с «предметом наличия», но в целом «Зеленая дубрава» была готова к приезду юных гостей. В одноэтажном деревянном домике, где предстояло жить ребятам, было чисто, тепло и уютно. Отопление, водопровод, кухня, бассейн и все остальное, необходимое на турбазе для зимнего отдыха, работали без перебоев. Территорию по-новогоднему украсили, поставили на самом видном месте нарядную елку, развесили на деревьях разноцветные фонарики, на лужайке за столовой залили каток и даже слепили на газоне перед административным зданием снеговика. По традиции на голову ему водрузили блестящее новенькое ведро, в руки дали швабру, а вместо носа воткнули самую большую морковку, которая только нашлась в кухне.

Однако Зое Львовне, которая, едва приехав, тут же пошла критически осматривать турбазу, понравилось далеко не все. Снеговика она еще стерпела, только поморщилась, но когда увидела на краю поляны огромный дуб, уже не стала сдерживаться.

– Это что еще за сухостой? Он же портит всю картину! Спилите его немедленно!

И потопала инспектировать дальше, а двое рабочих, получивших от нее этот приказ, только переглянулись. Им совсем не хотелось возиться с гигантским деревом, которое разве что динамитом взрывать... Но делать было нечего, хозяин по телефону велел слушаться эту тетку, как его самого, и не имел ничего против того, чтобы старый дуб спилили. Так что рабочие отправились за инструментом, а дуб, который, разумеется, все слышал, вздрогнул так, что закрипели толстые сучья и посыпались куски коры. Он понял, что еще чуть-чуть – и может произойти непоправимое. Столько времени его не трогали – и на тебе! Сначала поставили чуть не на корнях домики, залили площадку вокруг бетоном, лишив его возможности шевелиться, а теперь и вовсе срубить хотят! Дуб насмотрелся на современную строительную технику, видел, как скоро и зло работают новые бензопилы и понял, что шансов выжить у него нет. Еще он подумал о том, что если его спилят, то прервется связь с волшебной страной, а тогда... О, волшебная страна! И тут в крону дубу пришла мысль...

Дуб начал, напрягаясь изо всех сил, толкать корнем металлический ларец с запечатанным в нем злым духом колдуньи поближе к поверхности земли. Это было трудно, за годы корни дерева тесно сплелись между собой, да и ларец с ведьмой лежал глубоко – хорошо постарались мужики пятьсот лет назад. За это время земля сильно утрамбовалась, и рыхлый когда-то чернозем стал похож на камень. От натуги дерево закрипело на всю округу так, что даже рабочие, возвращающиеся с инструментом, услышали.

– Вон как трещит, – заметил один. – Может, сам рассыплется, а? Может, не будем его трогать? Так возиться неохота...

– Ну да, будем до весны ждать, пока он рассохнется, – ответил второй. – Давай уже работать! Сказано тебе пилить, значит, пилить!

Дуб удвоил усилия. Кое-где сугробы стали вспучиваться, сначала незаметно, потом все сильнее. Он пыхтел и скрипел, устало мотал ветвями и снова напрягал изо всех сил корни. И его труды не пропали зря – вскоре ларец был уже у самой земли, а дуб, измученный и уставший, замер, чтобы передохнуть.

– Ну, давай! – скомандовал рабочий и взял в руки пилу. – Заходи оттуда! – крикнул он. Другой послушно обошел дерево.

Зубья пилы с визгом врезались в кору. Толстая, плотная, она некоторое время защищала ствол, но тягаться с закаленной сталью не могла. И вот пила вгрызлась в древесину ствола, а дуб почувствовал резкую боль. Решившись, он размахнулся и ударил одной из веток.

– Ай! – закричал работяга, выронил пилу и схватился за голову. – Ты что дерешься?

– Кто дерется? – непонимающе заморгал другой.

– Кто, кто? Ты!

– Я? А ты, случаем, это, не сбрендил? С головой все у тебя в порядке? Я пилу тяну! Первый рабочий почесал в затылке, не понимая, что происходит.

– Ладно, проехали, давай работать! – сказал он и наклонился, чтобы поднять пилу. Но не успел разогнуться, как почувствовал еще один удар по затылку, гораздо сильнее первого. Мужчина обернулся – сзади никого не было, только шаталась здоровая ветка.

Рабочий снова нагнулся за пилой, только на этот раз повернулся спиной к стволу, чтобы уличить негодяя. А дубу только этого и надо было. Размахнувшись как следует, он так врезал рабочему, что тот отлетел на несколько метров прямо в сугроб. Пила сломалась с резким тренькающим звуком – лопнула, как перетянутая струна.

– Ни фиги ж себе! – присвистнул второй рабочий, увидев из-за ствола, как товарищ отлетел в сторону. – Во дает!

Из сугроба раздался злобный вой, получивший пинок работяга кинулся с кулаками на своего напарника. Завязалась драка, и огромный дуб получил передышку. Изрядно намяв друг другу бока, рабочие остановились перевести дух. И вовремя. По расчищенной дорожке шла Зоя Львовна.

Она остановилась около дуба, перед которым замерли смущенные драчуны, опустила на кончик носа очки с толстыми линзами, вперилась пронзительным взглядом в работяг и спросила:

– Как продвигается работа?

– Нормально. Пилим вот, – промямлил один.

– Это хорошо, – кивнула Зоя Львовна. – Завтра уже дети приезжают, нужно все подготовить, – и неожиданно добавила: – Я вот вся в делах, вся в делах, ни присесть, ни прилечь... С раннего утра до поздней ночи кручусь, еле пообедать успела. А теперь вот после еды в сон клонит... – педагогиня не удержалась и сладко зевнула во весь рот.

– Вам бы выспаться, – вежливо заметил рабочий, пряча за спину обломок пилы.

– Не в этой жизни, – махнула рукой Зоя Львовна. – Ну что вы встали, пилите!

И медленно побрела прочь по дорожке.

Рабочие вновь повернулись к дубу, и тут один из них, посмотрев вниз, удивленно воскликнул:

– Ого! Это еще что такое?

Напарник тут же подскочил к нему и тоже увидел ларец, который усилиями дуба уже поднялся из земли и виднелся из-под снега. Рабочий наклонился и ловким движением вытащил непонятную вещь.

– Красивый сундучок! – проговорил он, рассматривая ларец. – Похоже, старинный. Неужели мы клад нашли?

– Вряд ли... – засомневался другой. – Скорее всего, внутри ерунда какая-нибудь... Погляди, там что-то написано!

– «НИОТКРЫВАТЬ»... – прочитал рабочий. – А как же его открыть? – тут же заинтересовался он.

– Ща попробуем, – ответил его товарищ и, вытащив из кармана отвертку, поддел ею крышку ларца.

Ларец тут же распахнулся, и из него повалил дым, густой и черный, перемешивающийся с яркими вспышками искр. Вдруг какой-то невиданной силой рабочих отбросило в сторону, и они, не успев опомниться, оказались в сугробе. С изумлением и ужасом оба наблюдали, как из ларца вылетело что-то темное и огромное, похожее на привидение – с дырками на месте глаз и невообразимых размеров пастью. Грозно проплыв над ними, отчего работяги так и вжались в сугроб, призрак полетел дальше, догнал бредущую по дорожке Зою Львовну и скрылся прямо в ее зевающем рте.

– Ты тоже это видишь? – прошептал один рабочий, схватив другого за руку.

– Угу, – только и смог промычать тот.

А смотреть было на что: с педагогиней явно творилось нечто неладное. Сначала она схватилась за горло, будто проглотила что-то горячее, потом начала сама себя душить, а затем закашлялась. Кашляла и кашляла, и вдруг перестала, замерла. Рабочие подумали, что все странное и непонятное на сегодня закончилось, да поторопились – Зоя Львовна вдруг стала выделять такие номера, что и глядеть жутко. Руки и ноги ее беспорядочно задергались в разные стороны, туловище извивалось и крутилось, голова заламывалась назад... Создавалось ощущение, что в этот самый миг внутри женщины кто-то борется. Свои нелепые танцы Зоя Львовна сопровождала совсем уж жуткими выкриками и воплями. То засмеется, да так злобно, так дико, то замычит, словно от натуги, то закричит отчаянно.

Наконец, рабочие пришли в себя и кинулись к женщине.

– Что с вами? – встревоженно прокричал один из них.

Педагогиня дернулась еще раз, уронив при этом свои массивные очки. Толстое стекло лопнуло, но она не обратила на это никакого внимания. Наступила сапогом на оправу, неожиданно улыбнулась и ответила каким-то особенным, как будто бы и не своим, нежным и мелодичным, голосом:

– Со мной все в порядке.

И зачем-то направилась к дубу совершенно не характерной для нее легкой походкой. Рабочие, которые совсем уж растерялись, не понимая, что происходит, потопали за ней. Неожиданно взгляд одного из них упал на ларец – тот лежал на снегу, тускло поблескивая на солнце. Рабочий нагнулся, чтобы поднять находку, но сапог Зои Львовны наступил прямо ему на руку.

– Ой, больно же! – взвыл рабочий.

Не обращая внимания на его вопли, педагогиня подняла ларец, внимательно осмотрела его и перевела взгляд на рабочих.

– Ступайте отсюда! – грозно скомандовала она. – И не смейте даже пальцем тронуть старое дерево! Понятно?!

– Как скажете... – забормотали работяги. Они по-прежнему ничего не понимали, но были рады, что их освободили от тяжелой и неприятной обязанности. И потому поспешили унести ноги, пока она не передумала. Или пока не случилось еще чего-нибудь столь же странное и страшное.

Оставшись одна, женщина подошла к сухому дубу.

– Однако же я соскучилась, – проговорила она, обняв черный ствол. – Как приятно видеть хоть что-то родное! Я пятьсот лет просидела в темноте и так просто этого не оставлю. Кстати, как я сейчас выгляжу?

– Так себе, – честно ответил дуб. – Одетая, как пугало, сама страшная, на голове дурацкий пучок... Но тебе-то не все равно? Главное, ты теперь на свободе!

– Это верно! А красотой займусь позже, – отозвалась женщина, но все же вытащила шпильки из прически, распуская и взбивая волосы.

– Да, так уже гораздо лучше, – похвалило дерево. – Ты помнишь, что я тебе говорил надо сделать?

Ведьма, а как вы поняли, это именно была ведьма Цестинда, дух которой вселился в тело неосторожно зевнувшей Зои Львовны, усмехнулась.

– Семь детей запугать и убить? Конечно, помню! Думаю, я с этим быстро управлюсь. Как и в прошлый раз... Задача несложная. Подумаешь, делов-то – сопляков напугать! Если б мне тогда не помешал этот гадкий уродец-недомерок, все в мире давно бы уже было по моему.

Однако дуб покачал кроной, как люди качают головой, когда с чем-то не соглашаются.

– Теперь все уже не так просто, моя дорогая! Настали другие времена. Просто заманить детей лес и запугать уже не получится. Люди теперь другие, в колдовство никто не верит, нечистой силы не боится. Даже дети. Теперь дети знаешь какие пошли? Смелые, наглые, избалованные. И совсем не глупые, куда лучше взрослых разбираются во всякой технике, элек... электронике, – это слово дуб выговорил с запинкой и явным отвращением в голосе. – Таких одной темнотой да сухим лесом не напугаешь, тут нужен более тонкий подход...

– Вот как? – довольная улыбка сбежала с лица ведьмы.

Цестинда на минуту задумалась, но потом воспрянула духом.

– Ничего, я найду способ, как с ними справиться! – бодро заявила она. – Кажется, есть у меня кое-какая идея... Тем более что мне и карты в руки – как раз завтра они сюда приедут, голубчики. Ровно семь штук, как по заказу! – хихикнула она и снова обняла дуб. Старое дерево зашевелило корявой кроной.

– Только поторопись! Времени не так уж много. И помни, что сила у тебя уже не та, что прежде, – напомнил дуб. – За пределами территории этой турбазы твое колдовство теперь не действует.

– Да что ты, миленький? – колдунья сделала испуганные глаза, и, хихикнув, щелкнула пальцем по дубу. – Спасибо, что предупредил. Но ничего, я и здесь справлюсь! Когда там у них Новый год? Вот как раз в новогоднюю ночь все и провернем...

* * *

В это время в сказочном мире листья на Огромном Дубе вдруг стали желтеть и опадать. Всего за полдня крона заметно поредела. Сказочные существа перепугались, догадавшись, что дело нечисто, и в ужасе стали собираться на очередной Совет. Трубить во все концы не было времени, того и гляди злобная ведьма подчинит себе дуб, а потом доберется и до волшебного царства.

– Это конец! Это конец! – трепетали бабочки.

– Что же делать? Как нам быть? – шептались эльфы.

– Катастрофа! – решили во всех концах сказочного мира. И пришли к единому мнению: – Надо бежать к Эргену!

Обитатели Кронии устремились к Большой горе, за которой жил старый гремлин. По пути к ним присоединялось все больше и больше народу, и вот огромная толпа расположилась у подножия горы. Рак-клешнебубен издал жуткий звук, от которого у всех зашумело в ушах, и в ответ на этот призыв, наконец, появился тот, кого по привычке все еще считали героем – великий и бесстрашный Дори. К слову сказать, за пятьсот лет он уже привык к громкой славе и порядком обнаглел.

– Что за шум, а драки нет? Вы чего тут собрались? – грозно спросил он.

– У огромного дуба сохнет крона! – доложили эльфы.

– Значит, ведьма вырвалась на волю! – предупредили мудрые маги.

– Она опять пытается подчинить себе дуб! – испуганно восклицали бабочки.

– Позови Эргена, или мы все погибнем! – взмолились великаны.

Однако Дори не разделил их настроения.

– Чуть что, так сразу к Эргену! – возмутился он. – Может, вы еще и меня хотите позвать, вашего храброго и отважного героя? А вы не думаете, что у нас с Эргеном есть свои дела? Вообще-то он отдыхает! Зайдите попозже, часиков после двух, – и гремлин сладко зевнул.

– Кто меня звал? – раздался басистый голос, и существа, обернувшись, увидели Эргена. Он вышел из-за больших пушистых деревьев, подошел ближе и остановился, опершись на большую трость. Он казался до невозможности дряхлым. Белоснежная борода мудреца опускалась до самых ног, а веки были плотно закрыты.

– О, Эрген, ты все знаешь! – закричали сказочные жители. – Что теперь делать?

Эрген открыл было рот, но его опередил Дори.

– Известно что, – проговорил он, развалившись на большом камне, закинув ногу за ногу и шевеля большими поросшими кудрявой шерсткой пальцами. – Снова отправим в мир людей какого-нибудь смельчака, который будет отдуваться за всех. Пусть заточит ведьму в ларец и спрячет куда-нибудь подальше, а лучше сожжет, чтобы никому глаза не мозолила...

Сказочные существа с уважением внимали словам Дори, переводя взгляд с мудреца на его сына и снова на старца. Тот с улыбкой слушал маленького гремлины, а затем проговорил:

– Вот видишь, Дори, ты все прекрасно знаешь. Так что тебе и справляться с этой миссией!

– Что? Опять я? – глаза Дори увеличились до небывалых размеров. От его прежней развязности не осталось и следа.

– Да почему опять я-то? Я так уже был! Не слишком ли много для меня испытаний? Как все хорошо, никто даже не вспомнит о Дори! А как миру грозит конец, то сразу «Ты – наш герой, Дори!», «Дори, ты – лучший!», «Дори, ты – гений!». Не хочу я никуда отправляться, я еще с прошлого раза не отдохнул! И вообще, мне в мире людей не понравилось. Там ужасный климат и плохо кормят!

– Но, Дори, ты же лучший!

– Ты ведь наш герой!

– Ты – гений! – слышались возгласы, и весь сказочный народ склонился перед гремлином в низком поклоне.

– Нет-нет-нет! – вскричал Дори. – Не уговаривайте меня! Не надо! Прекратите! В прошлый раз это чуть не закончилось плохо!

Однако отец не стал его слушать.

– Да будет так! Отправляйся, сынок! – прозвучал бас Эргена. – И не забывай о своем медальоне!

– Не-е-ет! – закричал Дори и почувствовал, как земля уходит у него из-под ног и он с бешеной скоростью летит куда-то вниз. – Не-е-ет!

...Гремлин шлепнулся прямо около ненавистного дуба. Сколько раз гремлин видел в страшных снах его мерзкий черный ствол... Хватило одного взгляда на эту корягу, чтобы понять, где он, Дори, находится. Снова мир людей. О нет!.. Дори огляделся и заметил, как же тут все изменилось. Лес поредел и отступил, там и сям выросли симпатичные деревянные домики, вдали справа виднелась узорная кованая ограда, а слева – круглое и блестящее ровным, точно отполированным, льдом небольшое озеро (Дори ведь не знал, что такое каток). Да, здесь стало не в пример красивее и уютнее, чем в прошлый раз, когда вокруг стоял сухой мертвый лес, а за ним – жуткого вида дом колдуньи. Но ведь, получается, страшная ведьма все равно может находиться неподалеку... Бр-р-р!

Случайно Дори посмотрел на свои ноги и ахнул – они были его собственными! Он остался в собственном обличье – все тот же волосатый животик, те же покрытые шерстью лапки с острыми когтями и даже уши – длинные, как у осла, все еще болтались на его голове.

– Человеческий облик! Где человеческий облик? Я так не согласен! Я хочу обратно! – завопил Дори и, разбежавшись, попробовал по-кошачьи забраться по скользкому стволу дуба

наверх. Но не вышло – только когти пообломались, а дуб дал ему хорошую оплеуху увесистой веткой.

– Опять ты мне мешаешь? – грозно вскричал Дори.

– Ха-ха-ха, ты вернулся, – скрипуче рассмеялся дуб. – Соскучился?

– Ну да, конечно! Еще бы тысячу лет тебя не видеть! Предатель! – огрызнулся Дори и, поняв, что лучше сменить тон, жалобно попросил. – Пусти на минутку обратно? Они забыли дать мне человеческий облик... Я мигом вернусь...

– Ну, уж нет! Это твои проблемы, – в голосе дерева явно звучала издевка. – Иди отсюда, пока я тебя не отмутузил как следует!

Перед Дори выстроились в ряд грозные дубовые корни.

– И не забудь, пять дней – и ты останешься со мной навеки, – сладко пропел напоследок дуб.

Дори, несчастный и отчаявшийся, смахивая волосатой лапкой слезы, побрел в сторону деревянных домиков. Никогда он еще не чувствовал себя так паршиво.

Глава пятая

в которой Геля едет на турбазу, знакомится с новыми друзьями и недругами и старательно хранит свою тайну

Отъезд на турбазу назначили на первый день каникул, 28 декабря. Комфортабельный микроавтобус с эмблемой «Зеленой дубравы» поджидал счастливчиков – победителей конкурса страшных историй – на краю просторной площади, а вокруг, шумя и галдя, сустились дети и их родители.

– Ух ты, вот это клево! – слышались восторженные голоса. – Прикольный автобус!

– Да не волнуйтесь вы так! – говорила родителям Ангелина. Она решила отправиться на турбазу вместе со всеми, на автобусе, вроде как инкогнито, чтобы сохранить в тайне, кто она такая и почему именно ее ужастик занял первое место. – Все с нами будет в порядке. Правда, Тиффани?

Тиффани, маленькая карманная собачка, одетая в элегантный розовенький костюмчик в тон хозяйкиной курточке, весело твякнула.

– Ох, беспокойно что-то на душе... – вздохнула мама Гели, плотнее запахнула на груди песцовую шубку и осторожно переступила сапожками на высоченной шпильке.

– Не волнуйся, дорогая, никаких причин для тревоги нет, – заверил Гелин папа, он же владелец турбазы. – Я буду держать все под контролем. Завтра же днем, как только закончу с делами в городе, поеду на турбазу и останусь там на все праздники.

– Ну как это «нет причин», – покачала головой мама. – Ты же не сможешь постоянно находиться рядом с Ангелиной. Получается, большую часть времени она будет совсем одна! Даже без Ули!

– Да, Улька совсем не вовремя заболела, – согласилась Ангелина. Улька была ее лучшей подругой, они собирались поехать на турбазу вместе, хотя Уля ни в каком конкурсе не участвовала. Но перед самыми каникулами подружка ухитрилась простудиться, так что теперь Геля отправлялась в «Зеленую дубраву» в компании ребят, которых почти не знала. Почти – потому что нельзя же и впрямь считать знакомством недолгую переписку в Интернете! Геля даже не представляла, как зовут большинство из победителей, поскольку в Сети ребята чаще всего обращались друг к другу по никам. И теперь она с любопытством наблюдала издали за своими попутчиками. Интересно, кто из них кто?

Ближе всего к Ангелине стоял невысокий мальчишка со смешно торчащими из-под красной лыжной шапки рыжеватыми вихрами. К удивлению Гели, провожать его (единственного из всех!) пришли не родители, а целая толпа друзей, которые все были выше него ростом, некоторые даже намного. Они обступили приятеля кольцом и не сводили с него глаз.

– Да ладно вам, идите уже! – говорил им мальчишка в красной шапке.

– Не, мы, Ден, еще с тобой побудем! – отвечали друзья. – Скорей бы уж ты вернулся. Так хочется узнать, как у вас там будет и че...

– Будет клево! – заверил их Денис. – Это ведь самая крутая турбаза в области! Там только звезды всякие отдыхают, космонавты и политики. Ну и еще те, кто во всяких крутых конкурсах побеждает.

– Ты мне позвони, как приедешь, – предложил кто-то из друзей. Но Денис тотчас замолтал головой:

– Не, этого нельзя. Там связи нет. Ведь эта турбаза только недавно местом отдыха стала, а раньше там секретный объект находился. Страшно засекреченный! И так до сих пор осталось. Как в ворота въезжаешь, сразу на панели мобилы высвечивается «ЗАСЕКРЕЧЕНО». И никаких звонков.

– Да ладно, – не поверил ему самый высокий из парней. – Как же тогда на турбазе вообще без связи обходятся?

– Почему же без связи? Связь там есть. Только особая, тоже секретная. С прежних времен осталась. Ей только директор может пользоваться, больше никому не разрешают.

– Опять ты врешь, Ден! – засмеялись ребята.

– А вот и не вру! Спорим? Вернусь, такого вам расскажу...

«Смешной какой мальчишка! – подумала Геля. – Сочиняет прямо на ходу. Ну что ж, по крайней мере, с ним будет не скучно, не то что с вон тем ботаником...»

И она скользнула взглядом по темноволосому черноглазому мальчику, стоявшему с другой стороны от нее. Все время, пока они тут были, этот мальчик не отрывал взгляда от электронной книги, чего Геля ну никак не могла понять. Вот если бы он музыку слушал или играл на телефоне, или в Интернете сидел – другое дело, это привычная картина, в школе на переменках все так делают. Но читать в такой вот обстановке!.. Просто уму непостижимо.

Третий мальчик был тоже занят. Но не книгой, а едой. Его провожали аж три женщины, удивительно похожие друг на друга, полные и румяные, наверное, мама и ее сестры. И пока две из них донимали расспросами педагогов, третья доставала из необъятной сумки то печенье, то бутерброд, то пакетик сока и отдавала мальчику, приговаривая: «Кушай, Сенечка, кушай, неизвестно еще, как вас на этой турбазе будут кормить». Мальчик не противился и очень охотно уминал угощение за обе пухлые щеки.

А вот четвертого мальчика, белокурого, в синей куртке, Геле все никак не удавалось рассмотреть. Он не стоял около автобуса, как другие, а все время где-то носился: то катался по замерзшей луже, то залезал на заборчик, то вообще исчезал из поля зрения, несмотря на постоянные окрики родителей: «Егор, где ты? Егор, поди сюда!». Издали этот Егор казался очень даже симпатичным, но Геля мудро решила не делать выводов раньше времени. И переключилась на рассматривание девочек. Девчонок было две, и они, похоже, уже успели позна-

комиться и подружиться, во всяком случае, болтали между собой весьма по-приятельски. Гелю это несколько огорчило. Как бы она не оказалась в девчачьей компании третьей лишней... До чего же все-таки жаль, что подруга Уля заболела! Вдвоем им было бы куда проще. А так, судя по всему, придется повоевать с этой стриженной девчонкой с блокнотом в руках, которую, кажется, называли Лизой. Похоже, она слишком много о себе воображает! Хотя и страшенькая – смотреть не на что! И одета в дурацкую черную куртку да простенькие джинсы. Другая девочка, круглолицая, со светлыми волосами, разделенными на два хвостика, немного посимпатичнее. Интересно, как ее зовут?

– Ребята, пожалуйста, подойдите все сюда! – послышалось от автобуса, и Геля, подхватив Тиффани, шагнула в ту сторону. С обоими педагогами, которые должны были сопровождать их в поездке, она уже познакомилась и помнила, что красивую девушку с русой косой, хрупкую и изящную, точно балерина, зовут Ольгой Владимировной, а высокого юношу с маленькой бородкой и гитарой за спиной – Юрием Павловичем.

И вот наконец-то все приготовления к поездке остались позади. Багаж уложили в специальное отделение, педагоги несколько раз повторили имена детей и напомнили, как следует вести себя в автобусе, ребята покивали, расцеловались на прощание с родителями и, едва дождавшись разрешения, шумно ломанулись в автобус.

Геля хотела сесть на лучшее место – впереди, откуда все видно, но опоздала. Это сиденье уже оказалось занято белокурым Егором и фантазером в красной шапке Денисом. И ничего не оставалось, кроме как возмущенно фыркнуть и усесться за ними. Что Геля и сделала. Сама заняла место с краю, а ближе к окну устроила Тиффани, чтобы той было удобно.

Микроавтобус тронулся, и вскоре машущие руками родители исчезли из виду. А Геле всё не верилось, что это не сон. Неужели и впрямь она едет на турбазу одна, как взрослая, без папы и мамы? Она чувствовала себя абсолютно счастливой, тем более что и погода для заезда выдалась самая что ни на есть прекрасная. Солнечно, в меру морозно и безветренно, небо голубое, деревья в инее... Словом, настоящая зимняя сказка. Ребята, глядя в окно, улы-

бались и шурились от блестящих на солнце сугробов по бокам шоссе. Геля с интересом разглядывала своих попутчиков и удивлялась, что не видит в них того же восторга, который царил в ее душе.

Через проход от нее расположились девочки. Лиза, которая Геле совсем не понравилась, – та, с короткой стрижкой и в черной куртке – уселась у окна и что-то строчила в своем блокнотике, девочка с хвостиками говорила по мобильному. Геля оглянулась. Сразу за девочками сидел толстяк, пристроивший на соседнем сидении битком набитый пакет, и, шурша оберткой, разворачивал шоколадку. За ним сел смуглый черноглазый мальчик, который так и не оторвался от своей книги. Педагоги устроились на заднем сидении. О том, что происходило впереди нее, Геля могла только догадываться, поскольку спинки сидений были высокими, и она ничего не видела. Но слышала частое пиканье клавиш – значит, скорее всего, оба мальчика строчат эсэмэски или играют на своих мобильных.

Да уж, весело ничего не скажешь... И ради этого она потратила столько сил, придумывала этот конкурс, уговаривала папу, воевала с мамой, чтобы та ее отпустила? Где они, красавцы с веселыми глазами, крутые и бесшабашные, которые представлялись ей в мечтах? Эх, не на том сайте она конкурс устроила, надо было выбирать такой, где есть фотографии в профайле... Жаль, что Ангелина так поздно до этого додумалась!

Словно почувствовав разочарование хозяйки, Тиффани жалобно заскулила.

– Ну что, Тиффани, скучно? Мне тоже, – вздохнула Ангелина. – Тебя не укачивает? Нет?

– А что это за порода? – поинтересовалась сидящая через проход девочка с хвостиками.

– Карликовый пинчер, – ответила Геля, довольная тем, что хоть кто-то с ней заговорил. – Ее зовут Тиффани.

– Здорово, а тебя как? – с улыбкой спросила соседка.

– Меня Ангелина, Геля. А ник у меня Повелительница Носферату.

– А, так ты Повелительница Носферату? – еще шире заулыбалась собеседница. – Ты первое место на конкурсе заняла, такая молодец! А я только девятое. Мой ник Сыроежкина, а зовут меня Дашей.

– А, так это ты Сыроежкина! – в свою очередь обрадовалась Геля. Еще бы не обрадоваться, ведь она увидела в реале девочку, которая написала самый лучший отзыв на ее вампирскую историю.

Сидящая у окна девчонка оторвалась от своего блокнота и тоже посмотрела на Гелю.

– Так и не смогла понять, за что тебе первое место дали, – хмыкнула она. – Не обижайся, конечно, но когда я читала твой рассказ, то решила, что его написал кто-то из детского сада. Идея банальная, герои картонные, сюжета вообще нет, и одни сплошные ошибки.

Геля вся аж покраснела от злости и сразу даже не нашлась, что ответить. А Даша мягко проговорила:

– Лиза, не надо так! Ты, конечно, очень хорошо пишешь, но это все равно не повод плохо отзываться о других.

– Да сама ты дура! – запоздало фыркнула Геля.

Тиффани разделила настроение хозяйки и обиженно тявкнула. Лиза посмотрела на собачку, потом на ее хозяйку и вредным тоном поинтересовалась:

– А разве на турбазы пускают с собаками?

Геля хотела было ответить, что ей можно все, потому что турбаза принадлежит ее папе, но вовремя спохватилась, сделала испуганное лицо и произнесла:

– А что, могут не разрешить? А куда же мне ее тогда девать?

– Да куда не девай! Мы из нее шашлык сделаем в честь заезда! – раздался веселый мальчишеский голос с переднего сидения. Сердце Гели так и упало – разумеется, это сказал Егор, тот самый белокурый мальчик, который ей понравился.

– Шашлык? Там даже шашлыками кормят? – оживился Сеня, пухленький паренек, который как раз успел прожевать шоколадку и взялся за чипсы.

Отовсюду раздался смех. Егор и Денис, тот маленький фантазер в красной шапке, так и покатались от хохота.

Геля, которой совсем не понравилась шутка про шашлык, фыркнула и проговорила, обращаясь к своей собачке:

– Тиффани, не слушай их! Они все дураки.

Та в ответ снова с готовностью тявкнула.

Впереди показалось лицо Егора – очевидно, мальчик повернулся и встал на колени на сидение. Он посмотрел на Тиффани, потом на Гелю и миролюбиво проговорил:

– Да ладно тебе, не обижайся. Я же просто пошутил. Никто твою собаку не обидит. Если что, обращай ко мне.

Эти слова понравились Геле гораздо больше, но она не отвечала – решила выдержать характер.

- Народ, что-то вы какие-то скучные! – вихрастый мальчишка тоже привстал над сидением. – Давайте знакомиться! Меня Денисом зовут, можно просто Ден.
- А я Егор, – белокурый парень пожал соседу руку.
- Я Даша, – сказала девочка с хвостиками.

- А я Лиза, – раздалось от окна.

– Арсений, – чуть не подавившись чипсами, проговорил обжора. – Можно просто Сеня.

Сидящий дальше всех смуглый мальчик оторвался от своей книги, вежливо привстал и назвал:

– Эмиль.

– А я Ангелина, Геля, – сказала победительница конкурса.

– Ну вот, теперь лучше! А то сидим тут все, скучные, как на уроке! – хмыкнул Денис и тут же переключился на другую тему:

– Егор, а что это у тебя? Мяч, что ли? А ну дай позырить! Клевый какой!

– А то! – Егор ловко подкинул мяч вверх, поймал, покрутил на пальце и легонько долбанул им соседа по лбу. – Знаешь, чей это мяч? Самого Бекхэма! Когда наши играли с англичанами, Бекхэм запустил его на трибуны, а мой брат поймал и забрал себе.

– Да ладно! – не поверил Денис и, выхватив из рук Егора мяч, принялся его разглядывать.

Глядя собачку по мордочке, Геля скучающе закатила глаза.

– Вот и мальчики, – демонстративно вздохнула она, – все о мячах да о футболе. Нет чтобы поговорить о чем-нибудь, что всем интересно.

– Легко! – с готовностью откликнулся Денис. – А хотите... Хотите я расскажу вам одну историю, которая случилась как раз в тех краях, куда мы сейчас едем?

– Хотим! Хотим! – сразу оживились все ребята.

– Только она очень страшная, – предупредил Денис.

– Нашел, кого пугать! – засмеялся Егор. – Мы все тут конкурс ужастиков выиграли, если ты вдруг забыл.

– Вообще-то, страх – это отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям, – произнес вдруг Эмиль, который, как оказалось, слегка картавил. Все удивленно поглядели на него, но он продолжал как ни в чем не бывало. – Я думаю, в нашем случае страх невозможен, поскольку нашей жизни сейчас ничто не угрожает. Если, конечно, исключить возможность дорожно-транспортного происшествия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.